

В Таллиннский окружной суд (через
Харьюский уездный суд)

обвиняемого Зейналова Ахлимана Авяз оглы
(содержусь под стражей в Таллиннской тюрьме,
идентификационный код: 37910102244)

на приговор Харьюского уездного суда от 31 марта 2010 г. по уголовному делу № 1-08-12818 (08913000072) в части осуждения Зейналова Ахлимана Авяз оглы к лишению свободы и имущественному наказанию в сумме 11 517 733, 01 эстонских крон

Апелляция

Приговором Харьюского уездного суда от 31 марта 2010 г. я осужден к 14, 5 годам лишения свободы и имущественному наказанию в сумме 11 517 733, 01 эстонских крон, которое содержит в себе арестованные наличные деньги и денежные требования к коммерческим объединениям, связанным с Насировой К.Д. и со мной.

Данным приговором помимо моих, также нарушены законные права и свободы моей супруги Насировой К.Д., в результате чего она может незаконно лишиться собственности.

Приговор Харьюского уездного суда противоречит Конституции Эстонской Республики, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, другим международным договорам и эстонскому уголовно-процессуальному законодательству, в связи с чем в части, касающейся меня прошу его отменить и вынести новый оправдательный приговор.

В процессе судебного разбирательства в Харьюском уездном суде умышленно были допущены грубые существенные нарушения норм уголовно – процессуального права, судебное следствие проведено тенденциозно, односторонне и неполно.

Выводы суда основаны не на материалах дела, а на домыслах и несостоятельных рассуждениях, противоречащих логике и материалам дела,

приговор не мотивирован. Обоснование принятых решений судом имитировано, при этом заведомо умышленно искажались факты, желаемое выдавалось за действительность. Манипулируя понятиями «конфискационное производство» и «имущественное наказание», Харьюский уездный суд вынес заведомо незаконное решение о лишении Насировой К.Д. собственности, предварительно незаконно исключив ее из участия в процессе. Подобные действия являются обманом.

Существенные нарушения норм уголовно-процессуального права, допущенные Харьюским уездным судом заключаются в следующем:

1) Я был лишен права на защиту. Мое право на защиту было превращено в фикцию, что исключило вынесение справедливого решения по делу.

В решении Европейского суда по делу Пакелли против ФРГ (п. 31) от 25 апреля 1983 г. говорится:

«Статья 6 п. 3 (с) гарантирует лицу, обвиняемому в совершении уголовного преступления, три права: защищать себя лично; иметь выбранного им самим защитника и, при определенных условиях, иметь назначенного ему защитника бесплатно.

...Соответственно «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления», кто не желает защищать себя лично, должен иметь возможность прибегнуть к услугам выбранного им самим защитника...»

Однако, данное преюдициальное решение Европейского суда было грубо нарушено.

По заранее разработанному сценарию, суд в нарушение требований закона, дополнительно назначил мне нового защитника, хотя у меня уже имелся избранный мной защитник и о назначении еще одного защитника я не ходатайствовал.

После этого, в нарушение п. «с» части 3 ст. 6 Европейской Конвенции, я был лишен права защищаться посредством выбранного мной защитника.

По заведомо надуманным основаниям, в ответ на жалобы о допускаемых ошибках и беззакониях, суд незаконно отстранил моего азербайджанского защитника Сулейманова Д.И. от процесса, чем лишил меня права на защиту, я остался без защиты.

УПК Эстонии не предусматривает отстранение защитника, каких-либо законных оснований для этого не было.

Адвокат Сулейманов Д.И. представил справки на 99 листах о том, что отсутствовал по уважительным причинам, однако это было умышленно проигнорировано.

Адвокат Сулейманов Д.И. был изгнан из процесса именно тогда, когда изобличил обвиняемого-свидетеля А. Сирви в даче ложных показаний.

Из протокола судебного заседания видно, что Сулейманову Д.И. даже не дали возможность договорить вопрос и прервали судебное заседание на половине фразы (см. концовку протокола заседания от 2 сентября 2009).

К подобной практике прерывания процесса прокурор прибегал неоднократно, когда его подопечные начинали путаться в показаниях (слушай звукозапись процесса).

После этого, прокурор и суд отказались предоставить время для ознакомления с материалами дела новому защитнику Геннадию Куллу и вынудили его заявить самоотвод (см. протокол заседания от 21 мая 2009 г.).

Это в очередной раз свидетельствует о том, что я умышленно лишался возможностей для защиты и мое право на защиту нарушалось умышленно.

Адвокат Г. Кулл был не в состоянии защищать меня, т.к. ему отказали в возможности ознакомиться с делом.

У моего бывшего защитника Сулейманова Д.И. осталось большое количество собранных им доказательств (документов) моей невиновности, переведенных на азербайджанский язык, которые суд запретил мне получить и использовать. Это практически исключило мою дальнейшую защиту.

Мои неоднократные ходатайства принять эти документы у Сулейманова Д.И. и исследовать в судебном заседании в качестве доказательств, судом были отклонены по надуманным основаниям.

В нарушении закона, с целью создания впечатления о наличии у меня защитника, суд систематически отождествлял незаконно назначенного мне защитника У. Ладва и меня.

Я неоднократно заявлял и заявляю, что от услуг адвоката Уве Ладва отказываюсь, т.к. мы не понимаем друг друга. Адвокат У. Ладва был не в состоянии полностью ознакомиться с делом, произвести анализ имеющихся доказательств, т.к. для этого у него не было ни времени ни возможности.

У. Ладва не мог осуществлять мою защиту, т.к. все материалы защиты, остались у Сулейманова Д.И. и суд отказался их принять или разрешить передать мне. У. Ладва даже не смог передать в суд все документы на 242 листах, которые получил от меня вместе с ходатайством от 29.12.2009 г., что дало основание прокурору утверждать об их отсутствии.

Участие У. Ладва в процессе лишь ухудшило мое положение и камуфлировало грубое нарушение моего права на защиту.

В решении Европейского суда по делу Артико против Италии (п. 33) от 13 мая 1980 г., говорится: «Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а их практическое и эффективное осуществление; это особенно справедливо в отношении права на защиту, которое занимает видное место в демократическом обществе, как и само право на справедливое судебное разбирательство, из которого оно вытекает (см. Решение по делу Эйри от 9 октября 1979 г. Серия А., т. 32, с. 12-13, п. 24). Как справедливо подчеркивали представители Комиссии, в статье 6 п. 3 (с) говорится о «помощи», а не о «назначении защитника». Само назначение еще не обеспечивает эффективной помощи, т.к. назначенный адвокат может умереть, серьезно заболеть, в течении длительного периода быть лишен возможности действовать или уклоняться от выполнения своих обязанностей».

Харьуский уездный эти положения Европейского суда, имеющие преюдициальное значение, игнорировал.

2) В процессе судебного разбирательства я неоднократно ходатайствовал о переводе мне документов процесса, что, однако, сделано не было.

Между тем, в «Руководстве по справедливому судопроизводству» МА говорится, что «Если обвиняемому необходим письменный перевод соответствующих документов, он должен подать просьбу о письменном переводе в ходе разбирательства и заявить, что его право на необходимые условия для подготовки к защите будет ущемлено без этого перевода».

Мной и моим защитником Сулеймановым Д.И. подобное ходатайство было подано, однако суд ответил, что это является проблемой защитника, которому не надо было браться за процесс на языке, которой он не понимает.

Суд умышленно не учел, что лицо, находящееся под стражей и не владеющее языком судопроизводства, не имеет возможности в тюрьме организовать перевод документов, не может отвечать за правильность перевода, не имеет гарантий правильного изложения при переводе его мыслей. Всё это исключало равенство перед законом, поскольку мне были искусственно созданы дополнительные препятствия для осуществления защиты.

Прокурор и суд возложили на меня расходы по переводу документов на эстонский язык, что противоречит решению Европейского суда по делу «Людиге, Делкасем и Ког против ФРГ» от 28.11.1998 г. (Кстати, перевод документов по втрое завышенным расценкам мне осуществляла переводчица КАПО, «любезно» представленная этой организацией, о чем имеются соответствующие расписки. Так, что, претензии по поводу недоброкачественного перевода прошу предъявлять хозрасчетному КАПО).

Суд отказался предоставить время для перевода и ознакомления с документами, составленными на пяти языках и представленными мне перед очередным заседанием.

Отсутствие перевода исключило использование этих документов в нужное для защиты время.

Суд имел возможность убедиться (это подтверждает и звукозапись процесса), что я общаюсь на русском языке на крайне примитивном уровне, не могу излагать свои мысли, не успеваю воспринимать, понимать и реагировать на вопросы на русском языке.

В связи с этим, я неоднократно просил суд предоставить мне переводчика для дачи показаний на родном - азербайджанском языке.

Однако, суд, ссылаясь на мои ходатайства, составленные защитником на русском языке, а также на показания, данные в досудебном производстве, используя шантаж, в предоставлении переводчика на азербайджанский язык отказал (см. постановление от 7.9.2009 г.).

Тем самым, суд в очередной раз грубо нарушил мое право на защиту, в результате чего результаты всех процессуальных действий, произведенных без азербайджанского переводчика стали никчемными.

Я неоднократно указывал, что ходатайства на русском языке составляются моим фактическим защитником Сулеймановым Д.И., а я являюсь лишь идейным автором ходатайств.

Что касается моих показаний в досудебном производстве, то, по утверждениям защитника, в уголовном деле мной на русском языке сделано всего 10 записей из 57 слов, которые содержат 103 грамматические ошибки (см. т. 3 л.д. 74, 77, 78, 81, 84, 86, 88, 90, 95, 98). Некоторые слова написаны не на русском, а на азербайджанском алфавите (т. 3, л.д. 77, 95, 98). Все изложенное суд игнорировал.

3) В нарушении ст. 9 УПК я подвергался унижениям человеческого достоинства, оскорблениям чести и пыткам.

Систематические унижения и оскорбления, нашедшие свое отражение в протоколах судебного заседания и постановлениях суда, крайне отрицательно

влияти на возможность пользования мной права на защиту, а в ряде случаев, полностью исключали ее.

Так, в своих постановлениях от 8 и 20 апреля 2009 г. суд дважды указал о своих сомнениях в моей психической полноценности, а во время заседания сравнил азербайджанцев – моих родственников, находящихся в зале, с базарными торговцами. Прокурор же при попустительстве и молчаливом одобрении суда назвал их преступниками.

Член суда Рейн Кюттим во время процесса заявил, что мне могут кое-что ущемить в прямом значении этого слова, что зафиксировано звукозаписью.

С целью склонения меня к соглашению (самоговору) процесс был искусственно затянут на годы, в нем делались длительные необоснованные перерывы.

Кто-то из участников процесса гулял в это время на курортах, а я сидел в тюрьме.

Суд и прокурор обещали положительно рассмотреть мое ходатайство о замене ареста залогом после моего допроса, однако обещания не сдержали, чтобы я не смог подготовить свою защиту.

Тем самым, мои пытки были продолжены, т.к. я не виновен и никаких преступлений не совершал.

Путем необоснованного содержания под стражей и продолжающегося психического воздействия меня вынуждают к самоговору.

Подобное поведение суда и прокурора, свидетельствует о личных антипатиях ко мне, моей национальности и вероисповеданию.

В решении Европейского суда по делу Пьерсак против Бельгии (п. 30 и 31) от 01.10.1982 г., признавшем наличие нарушения ст. 6 Европейской конвенции, говорится: «...Презумпция личной беспристрастности действует до тех пор, пока не доказано обратное (см. судебное решение по делу Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера от 23 июня 1981 г. Серия А, т. 43, с. 25, п. 58).

...Достаточно установить что беспристрастность суда, который должен был определить обоснованность обвинения, могла вызвать сомнение».

Об этом же говорится в решении Европейского суда по делу Ремли против Франции от 23.04.1996 г.

4) При расследовании уголовного дела в качестве моего защитника участвовала адвокат Алла Якобсон, которая одновременно являлась защитником обвиняемого Бориса Кронштатова.

По делу Б. Кронштатова и других, рассмотренному с согласия адвоката А. Якобсон в порядке согласительного производства, были получены показания и приняты решения, противоречащие моим правам и интересам.

При таком положении адвокат А. Якобсон подлежала отводу, что, однако, умышленно сделано не было и мое право на защиту в течении длительного периода расследования умышленно нарушалось.

Следовательно, все следственные действия по данному делу, произведенные в бытность моим защитником А. Якобсон должны быть признаны незаконными, ссылки на них исключены, а мое право на защиту восстановлено с момента нарушения.

5) 4 июня 2009 г. суд с согласия прокурора разрешил защитнику М. Джамалова – адвокату Д. Школяр заменять адвоката А. Ярославского и одновременно защищать М. Джамалова, А. Калдма и К. Шмидтаса, интересы которых противоречат друг другу (см. протокол судебного заседания от 4.6.2009 г.).

Тем самым, прокурор и суд грубо нарушили право на защиту, показали свое истинное отношение к данному институту уголовного процесса и к самому процессу.

Другие подмены (замены) защитников, произведенные в ходе судебного разбирательства, также свидетельствуют о фарсе, а не правосудии. Тем более, что последние показания А. Калдма породили массу противоречий с показаниями М. Митгаль и К. Шмидтаса, создали противоречия между их интересами.

Прокурор искусственно создал противоречие интересов между мной и М. Джамаловым, в связи с чем адвокаты У. Ладва и Д. Школяр не имели права одновременно защищать меня и М. Джамалова.

б) защите были представлены три отличающихся друг от друга и от оригинала заведомо недостоверных перевода обвинительного акта.

В одном обвинительном акте я вообще не значусь, а вместо меня фигурирует А. Червяков.

Неоднократные ходатайства об исправлении в установленном порядке обвинительных актов были оставлены без реагирования.

Таким образом, весь процесс прокурор и суд обвиняли и судили по одному обвинительному акту, а я защищался по трем другим.

Это является грубейшим нарушением права на защиту и «достойно» займет место в практике Европейского суда.

В своей речи прокурор признал наличие трех противоречащих друг другу переводов обвинительного акта, однако вину за это свалил на переводчика и адвоката Л. Оловянишникова.

7) Согласно ст. 154 УПК Эстонской Республики, обвинительный акт должен содержать обстоятельства, составляющий предмет доказывания и доказательства, подтверждающее обвинение.

Однако, во всех обвинительных актах и в приговоре по настоящему делу обстоятельства, связанные с предметом доказывания (время, место, способ, вина и т.п.) указаны столь приблизительно и относительно, что исключило принятие их в качестве таковых и сделало невозможным уяснение смысла и оснований предъявленного обвинения. Это грубо нарушило мое право на защиту, поскольку невозможно защищаться от абстрактных обвинений в абстрактных преступлениях.

В решении по делу X. против Бельгии (7628\76, 9 РД 169, 09.05.1997 г.) и Офнер против Австрии (3 ежегодник 322, 19.12.1960 г.), имеющих преюдициальное значение, Европейский суд указал, что согласно ст. 6(3)а Европейской Конвенции, обвиняемый «должен быть незамедлительно и подробно информирован на понятном ему языке о характере и основаниях предъявленного ему обвинения, под которыми понимаются факты, легшие в его основу».

Между тем, все обвинительные акты по данному делу в качестве временных параметров содержат слова и словосочетания: «летом 2005 г.», «спустя пару недель», «спустя несколько дней», «спустя некоторое время», «затем» и т.п., которые нельзя считать фактами, решающими судьбы людей.

Как известно, понятие «лето» охватывает более 90 дней (три месяца), «несколько дней» - от 2-х до 19 и более; «некоторое время» и «затем» - понятия относительные, могут измеряться минутами, часами, днями, годами, веками и т.д.

В качестве пространственных параметров в обвинительных актах фигурируют слова и словосочетания: «в нескольких десятках километрах от Амстердама», «у края дороги, ведущей в Мууга Садама», «оговоренное место» и т.п., которые вследствие неконкретности также не могут считаться обстоятельствами предмета доказывания.

Так, в нескольких десятках километров к северу, югу, западу и востоку от Амстердама расположено несколько десятков населенных пунктов, однако о каком из них идет речь в обвинительном акте приходилось только гадать.

Тоже касается многокилометровой дороги, имеющей края с разных сторон, а также «оговоренного места» встречи, описание о которого в обвинительном акте не указывается.

В ходе судебного разбирательства эти недостатки устранены не были, а наоборот, возникли новые неясности и противоречия.

В разделе 6 всех обвинительных актов в качестве доказательств, якобы подтверждающих мое обвинение, значатся лишь листы дела и даты

производства отдельных процессуальных действий, (в том числе моих допросов), однако их доказательственная суть и отношение ко мне не изложены.

Прокурор голословно утверждает, что они подтверждают мою вину, а я заявляю, что прокурор выдает желаемое за действительность.

Изложенное является грубейшим нарушением права на защиту, поскольку вынуждало защищаться не от конкретных обвинений, а от рефлексивных предположений о мыслительных процессах обвинителя.

8) Протокол судебного заседания велся неверно, в связи с чем неоднократно подавались ходатайства об устранении ошибок.

В протоколе судебного заседания от 7 сентября 2009 г. была допущена очередная «ошибка», имеющая существенное значение для дела.

Прокурор сослался на решение Европейского суда по делу Херни против Италии, составленному на английском языке, а также неверно огласил содержание документов (CMR № 2005734) и не указал, что дата отгрузки в подлиннике этой накладной значится 3 декабря 2005 г., а в переводе на эстонский - 9 декабря 2005 г.

Адвокат Уве Ладва указал прокурору на ошибку в переводе и прокурор согласился с замечанием адвоката. Это отражено в звукозаписи судебного заседания.

Однако, в протоколе судебного заседания замечание адвоката Уве Ладва и согласие с замечанием прокурора отражения не нашли.

Суд, используя мое незнание языка, отказался внести в протокол исправления, а по поводу решения Европейского суда заявил, что такого не было, чем в очередной раз нарушил закон, мое право на защиту.

9) 17 ноября 2009 г. в порядке ст. 158 УПК Эстонской Республики я представил в Харьюский уездный суд очередное ходатайство о внесении исправлений в протокол судебного заседания.

В обоснованности моего ходатайства можно убедиться, прослушав звукозапись процесса.

Вместе этого, в тот же день судья М. Томинг дал указание не допускать адвоката Д.И. Сулейманова в зал в связи с тем, что тот со своего места (не создавая помех для судебного заседания) записывал на портативный диктофон ход процесса.

Судья М. Томинг запретил производство звукозаписи и Сулейманов Д.И. был допущен в зал с задержкой, лишь после того, как сдал диктофон.

Мое ходатайство – заявление от 19.11.2009 г. о разрешении Сулейманову Д.И. без дискриминации пользоваться положениями закона и производить звукозапись в открытом процессе было судом отклонено.

При этом, судья М. Томинг заявил, что запрещает звукозапись, чтобы исключить ее использование для проверки верности протокола судебного заседания (см. протокол судебного заседания от 19.11.2009 г.).

Таким образом, суд превратил процесс по моему делу в закрытый.

Действия и решения суда противоречат ст. 24 Конституции и ст.ст. 11,13 УПК Эстонской Республики, являются произволом, исключаяющим объективное решение по делу.

10) В настоящем уголовном деле орган расследования, ссылаясь на приговор г. Ростока ФРГ от 06.09.2007 г. и руководствуясь п.5 ст. 199 УПК Эстонской Республики, с согласия прокурора прекратил уголовное производство в отношении Алари Сирви в части трех эпизодов незаконного оборота 120 кг. гашиша и 5 кг. марихуаны, якобы совершенных им вместе со мной и другими.

Тем самым, орган следствия и прокурор признали идентичными мое обвинение и приговор суда г. Ростока в отношении А. Сирви по первым трем эпизодам, совершенным в 2006 г.

Однако, мое обвинение и приговор суда г. Ростока в отношении А. Сирви не являются идентичными, а наоборот противоречат друг другу.

В первых трех эпизодах приговора суда г. Ростока говорится лишь о 60 кг. гашиша, а остальные шесть эпизодов со мной не связаны.

В моем же обвинении по данному делу говорится, что, якобы, я вместе с А. Сирви в 2005 г. совершил незаконный оборот 120 кг. гашиша и 6 кг. марихуаны. Таким образом, 60 кг. на немецком в переводе на эстонский превратились в 126 кг.

Следовательно, А. Сирви осталось понести ответственность за незаконный оборот 60 кг. гашиша и 6 кг. марихуаны, в связи с чем по данному делу он должен был быть обвиняемым, а не свидетелем. Показания А. Сирви в качестве свидетеля подлежат исключению из числа доказательств по настоящему делу.

Это количественная сторона вопроса. Другая заключается в том, что по приговору Ростокского суда Федеративной Республики Германии, вступившему в законную силу, наркооперации были совершены в 2006 г., а в обвинительном акте эти же наркооперации значатся совершенными в 2005 году.

Между приговором Ростокского суда и обвинительным актом по настоящему делу имеются и другие явные противоречия, однако следствие и прокурор сочли их несущественными и своими «волевыми» решениями исключили преюдицию из числа понятий и принципов эстонского уголовного процесса.

Однако, преюдиция продолжает действовать в других государствах Европейского союза, что исключает существование в нем двух приговоров, противоречащих друг другу.

11) В нарушение ст. 211 УПК, прокурор изъял из дела и скрыл доказательства, оправдывающие меня.

В частности, из дела пропали документы обысков, в результате которых у меня и др. наркотики обнаружены не были, протоколы оперативно-розыскных действий, в результате которых какая-либо информация о моей причастности к незаконному обороту наркотиков получена не была, аналогичного содержания

протоколы допросов и других процессуальных действий, оправдывающие меня, а потому имеющие важное значение для моей защиты.

Так, из дела пропали протоколы допроса А. Калдма от 8.03.2007 г., 21.01.2008 г., 23.01.2008 г., 8.02.2008 г., 6.11.2008 г., 5.07.2007 г. (приобщены к делу № 0891300096), протоколы допроса А. Калдма от 3.9.2007 г. и 9.9.2008 г. (приобщены к делу № 0891300081).

Кроме того, из дела незаконно изъяты протоколы допроса М. Митталь от 24.10.2008 г. (дело № 96) и от 15.09.2008 г. (дело № 81), протоколы допроса А. Сирви от 22.01.2008 г., 23.10.2008 г. (дело № 96), протоколы допроса К. Шмидтаса от 18.06.2008 г. и 9.09.2008 г. (дело № 81).

Из дела также пропали протоколы допросов меня и М. Джамалова, произведенные комиссарами Тыно Мельме и Куурманом. В этих показаниях говорится о нашем алиби.

Жонглируя словами и словосочетаниями, прокурор утверждал об отсутствии отношения этих доказательств к предъявленному обвинению, об их несущественности, а суд поддержал его.

Вполне очевидно, что прокурору и суду эти доказательства не нужны, поскольку опровергают его домыслы, а для меня они важны, так как подтверждают мою невиновность.

Согласно протокола обыска от 29.04.2008 г., в АО «Рейсита» было изъято 7 папок с различными документами и личная карта К. Шмидтаса (т. 1, л.д. 43-44).

Все перечисленные документы признаны прокурором доказательствами по настоящему делу и приобщены к нему в качестве таковых (См. п.6. 13 обвинительного акта).

В ходе т.н. расследования, документы в одной из папок за 2005 г. были заменены на документы за 2006 г. Кроме того, «пропала», а вернее была сокрыта одна из семи папок с изъятыми документами, опровергающими обвинение. В этом можно убедиться, сопоставив протокол обыска с имеющимися в наличии документами, однако прокурор и суд делают вид, что ничего особенного не произошло.

В досудебном производстве были сфальсифицированы протоколы ряда процессуальных действий, якобы произведенных с участием М. Митталь, К. Шмидтаса, меня и других подозреваемых.

Без проведения следственных действий были даны на подпись заранее подготовленные протоколы нужного для обвинения содержания, в результате чего получилось, что одно и то же лицо в одно и то же время участвовало в разных действиях.

Так, согласно подложным протоколам, 4 декабря 2007 г. Марго Митталь одновременно участвовал в двух процессуальных действиях (см. т. 1 л.д. 116-120, 124-126), 10 января 2008 г. – Казимирас Шмидтас – также в двух действиях (см. т. 2 л.д. 188-190, 203), 27 мая 2008 г. я, якобы, одновременно участвовал в пяти следственных действиях (см. т. 3, л. д. 84-85, 86-87, 88-89, 90-91, 92-95), допрос М. Митталя, якобы произведенный 7 ноября 2007 г. и занявший шесть страниц машинописного текста, продолжался менее минуты и т.д. (т. 1, л. д. 110-115).

О методах «доказывания» по настоящему делу свидетельствует также заявление Дроздова, которое суд отказался приобщить к делу и исследовать.

В судебном заседании совершенные подлоги прокурор пытался представить техническими ошибками и, опять таки, манипулируя словами,

заявил, что ничего особенного в происшедшем нет, т.к. сразу после одного следственного действия начинается другое.

Я говорю о совершенно другом – о подлогах, в чем можно убедиться, ознакомившись с указанными листами дела, а прокурор, делая вид, что не понимает (а может, действительно не понимает, ведь нельзя же так притворяться) говорит о совершенно другом.

Несмотря на поведение прокурора и суда суть вопроса является однозначной: сфабрикованные протоколы и другие подложные документы подлежат исключению из числа доказательств по делу, а совершенным подлогам должна быть дана соответствующая оценка.

12) Харьюским уездным судом к участию в уголовном производстве по настоящему делу в качестве переводчика был привлечен Максим Чуркин.

Максим Чуркин не мог быть беспристрастным при осуществлении в суде своих обязанностей, поскольку в этом же деле (т.1 л.д. 191-193) сотрудничал в качестве переводчика с полицией безопасности и у него сложилось определенное мнение о фактах, событиях и лицах, в них участвующих.

Все процессуальные действия, проведенные в суде с участием М. Чуркина являются ничтожными.

13) В процессе судебного разбирательства мной и моим защитником неоднократно подавались заявления о проверке фактов пыток, применяемых в досудебном производстве по отношению ко мне со стороны работников полиции безопасности.

Согласно Европейской конвенции о правах человека, каждое заявление о пытках подлежит проверке, однако мои жалобы были оставлены без реагирования.

14) В нарушение п. d. части 3 ст. 6 Европейской конвенции, суд отказался допросить свидетелей, способных подтвердить мою невиновность.

При этом суд, незаконно дав предварительную оценку доказательствам, указал, что эти свидетели (работники ресторана «Шеш-беш») могут не вспомнить события, происшедшие несколько лет назад (см. постановление от 13.04.2009 г.), а сам допросил по этим же событиям «свидетеля» А. Сирви.

Кроме того, суд не дал мне и моему защитнику возможности допросить «свидетеля» А. Сирви, не допросил свидетеля В. Иванова, хотя удовлетворил ходатайство в этой части (см. постановление от 30.12.2008 г.).

15) 18 декабря 2008 г., преднамеренно нарушая требования ч. 5 ст. 18 и ч.1 ст. 259 УПК Эстонской Республики, суд провел предварительное заседание по настоящему делу коллегиально в составе трех судей.

В постановлении от 30 декабря 2008 г. суд, вопреки ст. 216 УПК Эстонской Республики, отклонив ходатайство об объединении взаимосвязанных дел, мотивировал свое решение отсутствием технических средств и помещений.

В постановлении от 4 сентября 2009 г., суд, отклонив ходатайство о соблюдении Закона Эстонской Республики «О судах», мотивировал свое решение невозможностью согласовать порядок работы двух государственных учреждений – суда и тюрьмы, а также неспособностью отдельных участников процесса вникать в происходящее полный рабочий день.

Систематические преднамеренные нарушения судом требований закона, дают основание для сомнений в его беспристрастности и объективности.

16) Согласно ст. 213 УПК прокуратура руководит досудебным производством, обеспечивая его законность и результативность.

Однако, заключение по итогам досудебного производства, осуществленного под руководством прокурора и предъявленные в ходе него подозрения, не соответствуют обвинительному акту, подписанному и датированному прокурором.

Даты и обстоятельства совершения «наркоопераций», количество наркотиков, состав участников в подозрениях не соответствует датам, обстоятельствам, количеству и участникам, указанным в обвинительном акте.

Прокурор, получив уголовное дело самостоятельно дополнительные оперативно-следственные действия по делу не производил и таких поручений следственному органу не давал. Поэтому, прокурор не имел законных оснований для изменения подозрений.

Таким образом, на протяжении всего досудебного производства я защищался от предъявленных подозрений одного содержания, а после составления обвинительного акта был вынужден в суде защищаться от других обвинений.

Это является грубым нарушением права на защиту, свидетельствует о предвзятости и тенденциозности прокурора и суда.

17) Соединение и выделение уголовных дел было произведено в нарушение требований ст. 216 УПК Эстонской Республики.

Так, в отношении М. Митталь, А. Калдма, А. Сирви, К Шмидтаса были выделены в отдельные производства семь уголовных дел, подлежащих рассмотрению в одном производстве.

Уголовное дело в отношении В. Велиева сперва было соединено с настоящим делом, а затем, в ходе судебного разбирательства выделено из него.

Незаконные соединения и выделения уголовных дел были произведены в связи с несоответствием друг другу показаний отдельных обвиняемых по конкретным обвинениям и противоречивостью самих обвинений и, якобы подтверждающих их, доказательств.

18) В нарушение ст. 403-2 УПК, в судебном заседании в качестве доказательств были исследованы материалы конфискационного производства, в результате чего им была придана заранее установленная сила.

В нарушение ст. 15 Конституции Эстонской Республики и ч. 1.5 ст. 40-2 УПК Эстонской Республики, несмотря на то, что по данному делу Насирова К.Д. признана третьим лицом и в деле в качестве доказательства использованы материалы конфискационного производства, она и ее представитель были не допущены к участию в судебном разбирательстве, что исключило своевременную защиту своих и ее прав и свобод, предопределило исход конфискационного производства.

Тем самым суд, также нарушил право Насировой К.Д. участвовать в рассмотрении спора о ее правах и обязанностях, предусмотренное ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод.

В основу приговора судом взяты материалы конфискационного производства в отношении имущества Насировой К.Д., принято решение о конфискации этого имущества, однако, несмотря на многочисленные ходатайства, Насирова К.Д. и ее представитель к процессу допущены не были. При этом суд допустил издевательские высказывания в отношении третьего лица и ее представителя, которые не могут быть отнесены к особенностям уездного правосудия, а являются дискриминацией по национальному признаку.

19) В нарушение ст. 49 УПК, мои жалобы были рассмотрены одними и теми же судьями Таллиннского окружного суда и Государственного суда Эстонской Республики.

20) Мое опознание со стороны А. Сирви было произведено в нарушение требований ст.ст. 81-82 УПК Эстонской Республики, что исключает результаты этого следственного действия из числа допустимых доказательств.

21) Из материалов дела видно, что я был арестован раньше, чем в деле появились «основания» для этого.

Меня сперва задержали, поставили условия, а когда я их не выполнил, стали фабриковать «доказательства».

22) 20 января 2010 г. прокурор дополнил и существенно изменил обвинение (обвинительный акт) в части размеров якобы полученной имущественной выгоды.

Поскольку размеры полученной в результате преступления имущественной выгоды являются квалифицирующим признаком, то их увеличение отягчает обвинение. Это, в свою очередь, обязывает прокурора составить новый обвинительный акт, что в нарушение ч. 2 ст. 268 УПК сделано не было.

23) В нарушение требований ч.5 ст. 68 и ч. 4 ст. 75 УПК Эстонской Республики, суд взял в основу приговора в отношении меня косвенные показания М.Митталь, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтаса, об обстоятельствах, которые якобы стали известны им через других лиц (Р. Ващенко и работников ресторана «Шеш-беш»).

Однако, эти лица (работники ресторана), несмотря на неоднократные ходатайства, допрошены не были, а допрошенный Р. Ващенко показания А. Калдма и А. Сирви опроверг, как заведомо ложные.

Изложенное лишь малая часть существенных нарушений уголовно-процессуального закона допущенных по моему делу. Об остальных будет сообщено в последующих жалобах.

Односторонность и неполнота судебного следствия, а также несоответствие выводов приговора установленным обстоятельствам заключаются в следующем.

В нарушение ст. 268 УПК Эстонской Республики суд вышел за пределы судебного разбирательства, указал в приговоре обстоятельства, которые в обвинительном акте и дополнении к нему не значились.

В результате этого мое право на защиту было грубо нарушено, я защищался от обвинения одного содержания, а в приговоре это обвинение существенно изменилось и дополнилось.

Это касается фактов передачи денег, их количества, обстоятельств наркоопераций и других составляющих предмета доказывания.

В обвинительных актах, полученных мной, было указано, что М. Митталь и А. Калдма ранее судимы по приговору Харьюского уездного суда от 22.05.2008 г.

Однако, в приговоре Харьюского суда от 31.03.2010 г. указано, что М. Митталь и А. Калдма судимы по четыре раза приговорами от 22.5.2008 г., 3.07.2008 г., 2.10.2008 и 21.09.2009 г., в том числе в один день – 22.05.2008 г. – А. Калдма судим дважды.

В процессе судебного разбирательства вопросы о судимостях М. Митталь и А. Калдма судом исследованы не были, более того, суд пресек все вопросы и ходатайства защиты в этой части.

В связи с изложенным, тактика допроса М. Митталь и А. Калдма со стороны защиты была основана на данных обвинительного акта.

Прокурор, делая дополнения в обвинительный акт, о новых судимостях также ничего не указал, хотя в очередной четвертый раз М. Митталь был осужден во время процесса по данному делу – 21 сентября 2009 г. и в очередной раз к усеченному наказанию, что, бесспорно, явилось результатом соглашения по моему оговору.

Появление в приговоре данных, полученных судом в приватном порядке противоречит принципам гласности и пределов судебного разбирательства, нарушает право на защиту.

В процессе судебного следствия суд без каких-либо раздумий удовлетворял незаконные ходатайства прокурора (см. решение об отстранении защитника Сулейманова Д.И., недопуске к делу третьего лица, запрете производить звукозапись, отказе в переводе и предоставлении переводчика и многое другое), однако после длительных согласований отказывал в ходатайствах защиты, хотя они имели существенное значение для справедливого разбирательства.

Так, в ходе судебного разбирательства прокурор представил суду и защите материалы исполненного отдельного поручения из Голландии на фламандском языке.

Защита за свой счет осуществила перевод этих документов и ходатайствовала об их исследовании.

Однако, постановлением от 20 января 2010 г. суд, огласив содержание ходатайства и содержание ответа из Голландии и видя, что они полностью опровергают обвинение, отказался приобщить к делу в качестве доказательств, хотя до этого принял их в качестве таковых от прокурора и исследовал в судебном заседании.

При этом, в приговоре суд сослался как на доказательство запрос в правоохранительные органы Голландии, а ответ на этот же запрос отказался учесть в качестве доказательства, поскольку он противоречил обвинению.

Подобное же отношение суд проявил и по отношению к другим доказательствам, опровергающим обвинение.

В решении Европейского суда по правам человека по делу Вермюлен против Бельгии (п. 33) от 20.2.1996 г., признавшего наличие нарушения ст. 6 Европейской конвенции, говорится: «Принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их...»

Таким образом, проявляя тенденциозность, в течении всего процесса суд вместо осуществления правосудия, осуществлял обвинение, отмечая без законных оснований доказательства защиты.

Так, постановлением от 20.01.2010 г. и другими, суд отказался исследовать (хотя фактически произвел это) ряд доказательств, заявив, что они не имеют отношение к обвинению.

Действительно, эти доказательства не подтверждают обвинение, а опровергают его, но от этого не перестают быть доказательствами.

Однако, доказательства защиты суду были не нужны, т.к. он заранее готовился к необъективному решению, обусловленному его тенденциозностью, несправедливостью и дискриминационными побуждениями.

Кроме того, в приговоре суд ссылается на несуществующие обстоятельства и делает логически необоснованные выводы, выдавая из за действительность, а также производит незаконный купирование содержания доказательств, цитируя лишь части, касающиеся обвинения, искажает либо умалчивает факты, что в целом иначе как беспределом не назовешь.

В процессе судебного разбирательства судом была произведена незаконная «корректировка» показаний М.Митталь, А. Калдма, А. Сирви и К. Двейлиса в соответствии с новыми обстоятельствами.

Так, на следствии М. Митталь заявлял, что получал деньги непосредственно у меня, а когда выяснилось, что меня в это время в Эстонии не было, заявил о получении денег у неизвестных работников ресторана «Шеш-беш», которых суд отказался допросить, однако в нарушение закона не исключил показания М. Митталь из числа допустимых.

Это же касается и показаний А. Калдма и А. Сирви.

В приговоре суд исказил показания лиц, допрошенных в судебном заседании. Показания, изложенные в приговоре, не соответствуют показаниям, отраженным в протоколах судебных заседаний.

Так, если сравнить показания А. Сирви, отраженные в протоколах судебного заседания 7- 8 мая, 4 июня и 2-3 сентября 2009 года, с его же показаниями, указанными в приговоре, то они противоречат друг другу по основным вопросам.

На допросах в суде А. Сирви показал, что не знаком со мной и М. Джамаловым, а в приговоре указано, что, якобы он заявил, что знаком со мной с 2002 или 2003 г., познакомился на дискотеке, общался по телефону в 2005 г., часто заходил в его заведение «Шеш-беш», покупал у меня мясо, М. Джамалова видел в ресторане «Шеш-беш».

На допросах в ходе судебного разбирательства Р. Ващенко отрицал свое участие в незаконном обороте наркотиков, получение и передачу денег и наркотиков, что отражено в протоколах судебных заседаний.

Однако, в приговоре указано, что, якобы, Р. Ващенко на допросах подтвердил свое участие в наркооперациях, получение и раздел денег, передачу наркотиков.

С целью обоснования обвинения, суд также исказил в приговоре показания других допрошенных.

Изложенное свидетельствует о произволе Харьковского уездного суда.

В приговоре суд умышлено не указал ряд доказательств, которые были исследованы в ходе судебного разбирательства, но опровергали обвинение.

Это касается приговора суда г. Росток ФРГ, который прокурор включил в список доказательств, показаний М.Митталя, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтаса в ходе досудебного производства, товарно-транспортных накладных, письма об отсутствии результатов оперативных мероприятий и других доказательств.

Для подтверждения своих выводов суд использовал протокол осмотра и фотографии автомашины «Вольво» за № ВДТ-168 с прицепом № НА-817, хотя согласно обвинения и транспортным накладным в таком сочетании ни законные ни контрабандные грузы не перевозились.

В приговоре суд указал, что, якобы показания М. Митталь, А. Сирви, А. Калдма и К. Шмидтаса согласуются между собой как по очередности событий, так и в части обстоятельств, причин (???), обоюдных встреч и т.п., тогда как, наоборот, - показания перечисленных лиц противоречат друг другу как в части количества преступных операций и контрабандного товара, так и в части обстоятельств их совершения.

Умышленно искажая факты, суд ставит под сомнение показания М. Джамалова и мои в части инцидента между М. Митталем и Кургом Калевом, и путем логически несостоятельных рассуждений пытается опорочить очевидный мотив действий М. Митталя по оговору М. Джамалова.

При этом суд систематически заявляет о событиях и действиях, которых в деле нет, умышленно искажает содержание показаний, толкует их по своим субъективным соображениям, несоответствующим законам логики и действительности.

Так, суд утверждает, что показания М. Джамалова и мои об отношениях М. Митталь с К. Калевом является версией защиты, которую невозможно проверить.

Как известно, в суде я и М. Джамалов дали показания о том, что у М. Митталь с К. Калевом произошел инцидент из-за долга, который М. Митталь попросил нас разрешить. После моего, Джамалова и других лиц вмешательства М. Митталю была возвращена часть долга в сумме 200 000 эстонских крон, а основная часть в сумме 1 300 000 крон возвращена не была.

М. Митталь, думая, что оставшуюся часть присвоили я и М. Джамалов, испортил с нами отношения, заявляя о том, что мы его обманули.

Суд утверждает, что эту версию невозможно проверить, однако сам препятствовал проведению работы, необходимой для проверки или опровержения показаний обвиняемых.

Так, я ходатайствовал о допросе Амида Магеррамова и Валаддина Керимханова, являющихся очевидцами происшествия, однако суд отклонил ходатайство.

Суд утверждает, что, якобы, М. Джамалов указывает на Калева Курга не по прямым утверждениям, а по намекам, не дает описания Калева Курга, по которым можно было бы установить его личность.

Далее, суд утверждает, что М. Джамалов, якобы сперва говорил о человеке по имени «Курк», только позже стал называть его «Кург».

По мнению суда это также препятствует установлению личности Калева Курга.

Изложенные утверждения суда являются вымыслом (неправдой), противоречащей фактам и логике.

Из протокола судебного заседания за 11 и 28 декабря 2009 г. (столь длительный перерыв был сделан для согласования позиции суда и прокурора) усматривается, что М. Джамалов прямо указал на К. Калева как участника инцидента с М. Миталем и дал его подробное описание, достаточное для идентификации личности.

Кроме того, в ходе своих пристрастных рассуждений, суд сам указывает, что хорошо знает К. Калева и осведомлен о происшествии с ним, в связи с чем

утверждения о невозможности установления личности К. Калева противоречат логике.

Из протокола судебного заседания видно, что М. Джамалов и другие всегда говорили о Курге Калеве, а не Курке, так что утверждения суда и в этой части являются вымыслом.

Несерьезность подобных доводов более чем очевидна.

Проявляя глубокие познания в области психологии, путем беспредметных, логически противоречивых рассуждений суд приходит к выводу, что М. Митталь не мог оговорить меня и М. Джамалова, т.к. это не вернет ему утраченных денег.

Вместе с тем, Харьуский уездный суд игнорировал решение Государственного суда Эстонии № 3-1-1-94-04, в котором говорится, что в подобных случаях должны серьезно восприниматься аргументы, что сопудсудимый может в результате оговора смягчить свое наказание или получить какую-либо выгодную для себя льготу. А это имело место в настоящем деле.

Суд слабо знаком с мировой литературой и судебной практикой и не знает, что месть совершалась и более изощренными способами.

Защита утверждает, что М. Митталь потому и оговорил меня и М. Джамалова, что исключил для себя возможность получения оставшихся денег. Другим стимулом для оговора для М.Митталь явились многочисленные соглашения, полностью извратившие принципы и условия справедливого судопроизводства.

В приговоре суд указывает, что никогда не интересовался моей национальностью и вероисповеданием и до настоящего времени не знает какой я национальности и вероисповедания.

Подобные безапелляционные ложные утверждения суда об очевидных фактах дают основания для сомнений в его компетентности, объективности и беспристрастности.

Как это суд до настоящего времени не знает мою национальность и вероисповедание, если неоднократно рассматривал жалобы по этому поводу и указывал мою национальность во всех выносимых постановлениях?!!

Суд произвольно ставит под сомнение сам факт встречи М. Миттала с К. Калевом, а для обоснования своих выводов прибегает к заведомо неверным логическим рассуждениям и искажению фактов.

При допросе М. Джамалов подробно описал обстоятельства встречи, состав и действия их участников и каких-либо объективных оснований сомневаться в правдивости его показаний не имеется, тем более, что М. Джамалов сослался на очевидцев, которых суд отказался допросить

Суд произвольно искажает содержание и очередность событий, изложенных М. Джамаловым, делает выводы, основанные не на фактах, а на своих логически несостоятельных рассуждениях.

Так, суд, искажая показания М. Джамалова, указывает в приговоре, что М. Митталь попросил К. Курга говорить по русский очевидно для того, чтобы М. Джамалов и Амид понимали бы суть разговора, но разговор их не интересовал, и кроме того было слышно, что М. Митталь хотел скрыть от него содержание беседы.

Далее, суд пишет в приговоре, что «...подобные утверждения находятся, по мнению суда, в остром противоречии с логикой, поскольку в случае, если М. Митталь бы не хотел, чтобы находившиеся вместе с ним люди слышали бы их разговор, то он бы и не просил говорить по-русски, так как М. Ямалов, по своим же утверждениям, не владеет эстонским языком. Если же М. Митталю было бы нужно скрыть от них этот разговор, то он бы не приглашал для этого лишние уши».

Изложенное судом является фактической и логической абракадаброй, имеющей цель обосновать заведомо незаконное решение.

Во-первых, М. Джамалов не давал показаний, что «...было слышно, что М. Митталь хотел скрыть от него содержание беседы».

Суд в этой части, как и в других пишет неправду.

В этом можно убедиться, ознакомившись с протоколом судебного заседания от 28 декабря 2009 г.

В протоколе указано, что на вопросы судьи: «На каком языке разговаривали Марго Митталь и Калев Кург», М. Джамалов ответил: «Начали на эстонском языке, тогда Марго попросил, чтобы разговаривали по-русски».

На второй вопрос судьи «Поняли ли вы, почему они должны были говорить по-русски?». М. Джамалов ответил: «Честно говоря, мне было неинтересно слушать их разговор, не хотел выходить из машины, это была просьба Митталя».

Таким образом, утверждения суда о том, что «...если М. Митталь бы не хотел, чтобы находившиеся вместе с ним люди слышали их разговор...», является выдумкой, необходимой суду для продолжения алогичных рассуждений.

Что касается «лишних ушей», которые суд использует в качестве аргументов, то они были приглашены М. Митталем для охраны, а не подслушивания, что более чем очевидно из показаний М. Джамалова.

Из субъективных побуждений, свидетельствующих о тенденциозности, в нарушение ст. 268 УПК Эстонской Республики, суд вышел за пределы судебного разбирательства, вынес приговор не по обвинительному акту и незаконному дополнению к нему, а согласно собственным понятиям, противоречащим действительности.

Как указывалось выше, я был вынужден защищаться от обвинений сразу по трем разным обвинительным актам и дополнению прокурора от 18.01.2010 г., которые противоречат друг другу, логике и здравому смыслу.

Во всех 3-х обвинительных актах значатся четыре эпизода (4 рейса).

По первоначальной логике обвинения, во всех четырех рейсах - эпизодах - наркотики загружались в тайник автомашины в Голландии до загрузки официального груза и вытаскивались из тайника после разгрузки официального груза, т.к. при наличии в кузове груза, тайник не открывался, доступ к наркотикам был закрыт.

Таким образом, каждый эпизод искусственно «привязан» обвинением к конкретным датам загрузки – выгрузки официального груза, указанным в накладных (CMR).

В судебном заседании прокурор изменил обвинение и указал, что, якобы, во время второго рейса в автомашину сперва был загружен официальный груз, а потом наркотики.

В обвинении говорится, что, якобы, я лично передавал М. Митталь деньги. О передаче денег через работников ресторана «Шеш-беш» в обвинении (обвинительном акте) ничего не говорится.

Согласно обвинительного акта с дополнениями прокурора, перекочевавшими в приговор, в т.н. первый «наркорейс» в период с 23 до 26 августа 2005 г.:

- А. Зейналов в Таллинне передал М. Миттал 30 000 евро; там же он М.Джамалов и М.Миттал в Таллинне договорились кто и где получит от М. Миттал гашиш в Голландии;

- А. Зейналов в Таллинне передал Р. Ващенко 10 000 евро, из которых тот оставил себе 1334 евро, а 8667 передал А. Калдма;

- М. Миттал вылетел в Амстердам и передал 30 000 евро Небу, а через несколько дней получил от Небу 40 кг. гашиша;

- А. Зейналов сообщил Р. Ващенко о месте и времени встречи в городке в нескольких десятках км. от Амстердама (М. Миттал, А. Калдма и А.Сирви на суде заявили, что это город Утрехт);

- Р. Ващенко в Таллинне информировал о времени и месте получения наркотиков А. Калдма и передал ему в Таллинне деньги на транспортные и дорожные расходы.

Согласно фактам, отраженным в материалах дела:

1. Я с 22 августа 2005 г. до 22 сентября 2005 г. находился в г. Баку и не мог 23 августа 2005 в г. Таллинне передать М. Миттал 30 000 евро.

До этого деньги переданы быть не могли, т.к. о предстоящей наркооперации стало известно лишь 23 августа 2005 г.

2. Я не мог в период с 23 августа по 26 августа 2005 г. в г. Таллинне передать Р. Ващенко 10 000 евро, т.к. в это время находился в г. Баку.

3. В августе 2005 г. М. Митталь в г. Амстердам не вылетал, т.е. обвинительный акт и в этой части является неверным.

Как справедливо отметил суд, в постановлении от 13.04.2009 г., что если нет доказательств вылета - значит не вылетал.

4. М. Митталь не мог получить от Небу наркотики через несколько дней, как это указано в обвинительном акте, т.к. 26 августа 2005 г. автомашина была уже загружена официальным грузом в Бельгии. Несколько дней – это в любом случае не менее 2-3х дней.

5. В период с 23 по 26 августа 2005 г. М.Митталь не мог о чем-либо договариваться в г. Таллинне с М. Джамаловым, т.к. М. Джамалов с 3 по 28 августа 2008 г. находился в г. Баку, где участвовал в своей свадьбе.

6. Согласно материалам уголовного дела и доказательствам, представленным защитой, какие-либо телефонные переговоры между М. Митталь, мной, М. Джамаловым, Р. Ващенко, А. Калдма, А. Сирви, А. Двейлисом и К. Шмидтасом, произведенные в августе 2005 г. зафиксированы не были, а это дает основание считать, что они не состоялись.

Обвинение не представило доказательств о фиксации телефонных переговоров, поэтому утверждения об этом в обвинительном акте являются бесосновательными и бездоказательственными. Нет доказательств переговоров – значит переговоры не состоялись.

7. Согласно материалам досудебного и судебного производства, М. Митталь в 2005 г. не встречался с мифическим Небу и не передавал ему деньги поскольку, такой человек не существует: не установлен, к уголовной ответственности не привлечен и не разыскивается. Дело в отношении Небу не выделено, что подтвердил в суде и прокурор. Нет и не было такого человека и некого искать, а имена истинных соучастников сокрыты.

Нет Небу – значит нет доказательств совершения с ним наркоопераций.

8. Согласно материалам уголовного дела и доказательствам, представленным защитой, А. Калдма и А. Сирви в августе 2005 г. в гостиницах г. Утрехта не проживали, в связи с чем утверждения о получении в этом городе наркотиков от М. Митталь, их переупаковке и передаче А. Двейлис не соответствуют действительности, являются ложными, голословными.

Нет доказательств проживания – значит не проживали.

9. Р. Ващенко не мог с 16 до 26 августа 2005 г. Таллинне передать А. Калдма деньги на транспортировку наркотиков, поскольку согласно материалам уголовного дела и доказательствам, представленным защитой, в этот период находился в других государствах, а А.Калдма – в Сан-Пауло, в Южной Америке.

10. В хранилище полиции безопасности тахограф с данными о поездках в 2005 г. автомобиля под управлением А. Двейлис в г. Утрехт отсутствует, что дает основание утверждать, что таких поездок не было.

Нет доказательств посещения г. Утрехта – значит в г. Утрехте ничего не произошло.

11. Согласно дополнениям прокурора к обвинительному акту, в первый рейс Р. Ващенко получил от А. Зейналова 10 000 евро, из которых оставил себе 1334 евро, а 8667 евро передал А. Калдма.

Если сложить 1334 евро и 8667 евро, то получается 10 001 евро.

В обвинительном акте, в дополнении к нему и в приговоре не говорится, как Р. Ващенко, вопреки законам физики, смог получить из воздуха 1 евро, но и так ясно, что в своих фальсификациях прокурор попросту запутался.

Утверждения прокурора о суммах 8667, 1334 и 1333 высосаны из пальца, надуманы.

Ни на следствии ни на суде о таких суммах речь не шла.

Такие суммы нужны прокурору и суду для создания ложного впечатления об объективности расследования, судебного разбирательства и полученных результатах. Это нужно суду для того, чтобы утверждать о наличии деталей преступления, якобы известных только ему и лицам, с кем были заключены соглашения.

Согласно обвинительного акта и приговора в завершающей части первого эпизода произошло следующее:

29 августа 2005 г., А. Двейлис в Литве, в Паневежисе передал автомобиль с наркотиками К. Шмидтас, тот поехал в г. Ригу, затем в Каунас, возвратился в Паневежис, а оттуда поехал в Таллинн.

1 сентября 2005 г. К. Шмидтас выгрузил официальный груз в г. Таллинне, после чего поехал на парковочную стоянку около центра «Нисан», вынул из тайника наркотики и передал их А. Калдма, а тот передал К. Шмидтасу 4 000 евро. А. Калдма дал А. Сирви 1333 евро.

А. Калдма через Р.Ващенко известил о прибытии наркотиков А. Зейналова, через Р. Ващенко узнал место, где наркотики следует передать М. Митталю, передал наркотики А. Сирви, тот отвез их и передал М. Митталю, а М. Митталь согласно указанию А. Зейналова и М.Джамалова часть наркотиков положил около ресторана «Шеш-беш» в багажник а/машины

«Мерседес-Бенц», а вторую часть – оставил у края дороги, ведущей к Мууга Садама.

Спустя некоторое время А. Зейналов выплатил М. Митталю в качестве вознаграждения 30 000 крон.

Данная часть обвинительного акта и приговора также противоречит фактам.

1. Я с 22 августа по 22 сентября 2005 г. находился в г. Баку и следовательно, не мог участвовать в получении и распределении наркотиков, а также не мог выплатить М. Митталю в г. Таллинне вознаграждение.

2. Согласно материалам уголовного дела телефонные переговоры между М. Митталю, мной, М. Джамаловым, Р. Ващенко, А. Калдма, А. Сирви, А. Двейлисом и К. Шмидтасом, произведенные в августе – сентябре 2005 г. зафиксированы не были, т.е. не состоялись. Нет доказательств переговоров – значит не было переговоров.

3. Согласно материалам уголовного дела, автомашина «Мерседес-Бенц» в моем пользовании и пользовании М. Джамалова в 2005 г. не имелась, данные о такой автомашине, а также каких-либо иных лицах, якобы получающих наркотики, в деле отсутствуют.

Нет доказательств о «Мерседес» и его водителях – значит нет и не было «Мерседеса» и его водителей.

4. С 28 августа по 11 сентября 2005 г. Р.Ващенко находился в Турции и не мог участвовать в планировании наркооперации.

Согласно обвинительного акта с дополнениями прокурора и приговора во время второго «наркорейса» в период с 6 до 9 сентября 2005 г.:

- второй рейс состоялся по той же схеме спустя пару недель по завершению первого рейса;

- М. Миттал получил от А. Зейналова 30 000 евро;

- А. Зейналов передал Р. Ващенко 12 000 евро, из которых тот оставил себе 2 000 евро, а 10 000 евро передал А. Калдма;

- М. Миттал вылетел в Амстердам и передал 30 000 евро Небу;

- спустя несколько дней М.Миттал получил от Небу 40 кг. гашиша;
- А.Зейналов сообщил Р.Ващенко место и время передачи наркотиков в Голландии;
- Р.Ващенко сообщил А.Калдма место и время передачи наркотиков в Голландии;
- А. Калдма и А. Сирви выехали из Таллинна в Голландию;
- А. Двейлис поехал во Францию, где 9 сентября 2005 г. в грузовик погрузили законный груз;
- А. Калдма сообщил К.Шмидтасу время и место передачи наркотиков в Голландии;
- К. Шмидтас сообщил А.Двейлису время и место получения наркотиков в Голландии;
- А. Двейлис выехал в Голландию;
- А. Калдма и А. Сирви поселились в гостинице г.Утрехт;
- М. Миттал выехал из Амстердама в г.Утрехт;
- Миттал передал наркотики Сирви;
- Кальдма и Сирви переупаковали наркотики в гостинице г.Утрехта;
- А. Сирви и А. Калдма передали наркотики А. Двейлису, а тот спрятал их в тайник автомашины НА-817 с прицепом №GPB-394;
- М. Митталь вернулся в Таллинн;
- А. Двейлис из Голландии выехал в Литву;

Данная часть обвинительного акта и приговора также не соответствует фактам.

1. Я с 22 августа до 22 сентября 2005 г. находился в г. Баку и, следовательно, не мог в период с 6 по 9 сентября 2005 передать М.Митталь в Таллинне 30 000 евро.

2. Я не мог с 6 по 9 сентября 2005г. передать Р.Ващенко в Таллинне 10 000 евро, т.к. в это время находился за 3500 км. в другом государстве.

3. Р.Ващенко не мог в период с 6 по 9 сентября 2005г. получить в Таллинне у меня 6000 евро, т.к. в это время находился еще дальше, в Турции.

4. Пара недель – это 14 дней. Если первый наркорейс был завершен (согласно обвинительного акта) 1 сентября 2005 г., то второй наркорейс должен был начаться как минимум 15 сентября 2005г.

Однако, согласно обвинительного акта, 9 сентября 2005г. наркотики уже находились в тайнике автомашины.

5. Согласно материалам уголовного дела в сентябре 2005 г. М. Митталь в г.Амстердам не вылетал.

Нет доказательств вылета – значит в сентябре 2005 г. М.Митталь в г. Амстердам не вылетал.

6. М. Митталь не мог получить от «Небу» наркотики «спустя несколько дней» после 6 сентября 2005 г., т.к. 9 сентября 2005 г. автомашина была уже загружена официальным грузом во Франции.

Несколько дней – это в любом случае не менее 2-3х дней. Если М.Митталь 6 сентября вылетел в Амстердам, то получается, что он получил наркотики, когда автомашина уже была загружена официальным грузом во Франции.

7. Согласно материалам уголовного дела, какие-либо телефонные переговоры между М. Митталь, мной, М. Джамаловым, Р. Ващенко, А. Калдма, А. Сирви, А. Двейлисом и К. Шмидтасом, якобы произведенные в сентябре 2005г. зафиксированы не были, что дает основание утверждать, что их не было.

Нет доказательств переговоров – значит переговоров не было.

8. Согласно материалам дела, М.Митталь в 2005 г. не встречался с мифическим Небу и не передавал ему денег, поскольку такой человек не существует, к уголовной ответственности не привлечен и не разыскивается.

Нет доказательств существования Небу – значит Небу миф.

9. Согласно материалам уголовного дела, А.Калдма и А.Сирви в сентябре 2005 г. в гостиницах г. Утрехта не проживали, в связи с чем утверждения о получении в этом городе наркотиков от М. Митталь, их переупаковке и передаче А. Двейлис не соответствуют действительности, являются ложными.

Нет доказательств проживания – значит не проживали.

10. Р.Ващенко не мог с 6 по 10 сентября 2005 г. в Таллинне передать А.Калдма деньги на транспортировку наркотиков, поскольку в этот период находился в Турции.

11. В хранилище полиции безопасности тахограф с данными о поездках в 2005 г. автомобиля под управлением А. Двейлис в г. Утрехт отсутствует, что дает основание утверждать, что таких поездок не было. Иные утверждения являются голословными. Нет доказательств – значит поездок в г. Утрехт не было.

Согласно обвинительного акта и приговора в завершающей части данного
(второго) эпизода произошло следующее:

В Литве за руль автомобиля сел К. Шмидтас и выехал в Эстонию.

15 сентября 2005 г. К. Шмидтас выгрузил официальный груз в г. Вяндра, после чего поехал в Таллинн на парковочную стоянку, встретился с А. Калдма, вынул из тайника наркотики и передал их А. Калдма, а тот передал К. Шмидтасу 4 000 евро, а 2 000 евро дал А. Сирви.

А. Калдма через Р.Ващенко известил о прибытии наркотиков А. Зейналова, через Р. Ващенко узнал место, где наркотики следует передать М. Митталю, передал наркотики А. Сирви, тот отвез их и передал в Саха-Лоо М Митталю, а М. Миттал, согласно указаниям А. Зейналова и М.Джамалова, часть наркотиков положил около ресторана «Шеш-беш» в багажник а/машины «Мерседес-Бенц», а вторую часть – оставил у края дороги, ведущей к Мууга Садама.

Спустя некоторое время А. Зейналов выплатил М. Митталю в качестве вознаграждения 30 000 крон.

Данная часть обвинительного акта также противоречит фактам.

1. Я с 22 августа по 22 сентября 2005 г. находился в г. Баку и не мог участвовать в получении и распределении наркотиков.

2. Согласно материалам уголовного дела, какие-либо телефонные переговоры между М. Миттал, мной, М. Джамаловым, Р. Ващенко, А. Калдма, А. Сирви, А. Двейлисом и К. Шмидтасом, произведенные в сентябре 2005 г. зафиксированы не были, т.е. не состоялись. Нет доказательств переговоров – значит переговоров не было.

3. Согласно материалам уголовного дела, автомашина «Мерседес-Бенц» в моем пользовании и пользовании М. Джамалова в 2005 г. не имелась, данные о такой автомашине, а также каких-либо иных лицах, якобы получающих наркотики, в деле отсутствуют.

Нет доказательств существования автомашины и ее водителя – значит «Мерседеса» с водителем не было.

4. С 28 августа по 11 сентября 2005 г. Р.Ващенко находился в Турции и не мог участвовать в планировании наркооперации.

5. Согласно материалам уголовного дела с 15 по 17 сентября 2005 г. М. Миттал находился в России и, следовательно, не мог участвовать в получении наркотиков со второго рейса и в их распределении.

6. Особо прошу обратить внимание, что 15 сентября 2005г. официальный груз в Вяндра по накладной №0244005 сдал А. Двейлис, а не К. Шмидтас.

Следовательно, обвинительный акт и приговор в этой части, как и во всех других, не соответствует действительности, является плодом фантазирования его составителей, находящихся не в ладах с законами логики.

Если в накладной подпись А. Двейлиса – значит товар сдал Двейлис.

7. Согласно материалам уголовного дела и доказательствам, представленным защитой с 9 по 21 сентября 2005г. А. Кальдма в Таллинне отсутствовал и, следовательно, не мог принимать участие в приеме и распределении наркотиков, как это указано в обвинительном акте (см. мое ходатайство от 29.12.2009 г. вместе с приложениями на 228 листах).

Есть доказательства отсутствия – значит Калдма в Таллинне с 9 по 21 сентября 2005 г. не было и каких-либо действий в Таллинне он совершить не мог.

Согласно обвинительного акта, дополнениями прокурора и приговора в третьем «наркорейсе» в период с 17 до 20 октября 2005 г.:

- А. Зейналов передал в Таллинне М. Миттал 30 000 евро, оговорил с ним подробности рейса;

- А. Зейналов в Таллинне передал Р. Ващенко 12 000 евро, из которых тот оставил себе 2000 евро, а 10 000 евро передал А. Калдма;

- М. Миттал вылетел в Амстердам и передал 30 000 евро Небу;

- Спустя некоторое время выяснилось, что Небу не может достать гашиш и предложил взамен 6 кг. марихуаны;

- М. Митталь передал эту информацию А. Зейналову и получил согласие на приобретение марихуаны;
- переговоры с А. Зейналовым и получение марихуаны заняло время, в связи с чем М. Миталь в промежутке встретился в оговоренном месте с А. Сирви и проинформировал его о проблеме;
- А. Сирви передал информацию об изменении планов А. Калдма;
- А. Калдма через К. Шмидтаса информировал А. Двейлиса;
- спустя несколько дней М. Миттал получил марихуану;
- М. Миттал передал марихуану в оговоренном месте А. Сирви;
- А. Сирви переупаковал марихуану и по указанию А. Калдма передал в оговоренное время и в оговоренном месте А. Двейлису;
- А. Двейлису время и место встречи сообщил К. Шмидтас, которому информацию передал А. Калдма;
- А. Двейлис спрятал полученные от А. Сирви наркотики в тайник автомашины;
- А. Двейлис поехал в Бельгию, где в г. Петит-Рейшан 20 октября 2005 г. в его автомашину погрузили законный груз.

Данной части обвинительного акта и приговора противоречат следующие факты.

1. Согласно материалам уголовного дела и доказательствам, представленным защитой, с 15 по 19 октября г. М. Митталь находился в Италии и, следовательно, не мог вести переговоры с «Небу» и мной, получить от «Небу» через несколько дней наркотики, т.к. 20 октября 2005 г. автомашина была уже загружена официальным грузом в Бельгии. Несколько дней – это в любом случае не менее 2-3х дней.

Если М. Митталь получил наркотики до 15 октября 2005 г., то А. Сирви не смог бы передать их А. Двейлису, т.к. находился в городе Вианене вдалеке от

Утрехта лишь 14-15 октября 2005 г., а затем возвратился в г. Таллинн, где 21 октября справил свой день рождения.

2. Согласно материалам уголовного дела какие-либо телефонные переговоры между М. Митталь, мной, М. Джамаловым, Р. Ващенко, А. Калдма, А. Сирви, А. Двейлисом и К. Шмидтасом, произведенные в октябре 2005 г. зафиксированы не были, т.е. не состоялись.

Нет доказательств переговоров – значит переговоров не было.

3. Согласно материалам уголовного дела М. Митталь в октябре 2005 г. не встречался с мифическим «Небу», не передавал ему денег и не получал наркотики, поскольку такой человек не существует.

Нет доказательств существования Небу – значит ссылки на совершение им каких-либо действий необоснованны.

4. Согласно материалам уголовного дела и доказательствам, представленным защитой, А. Сирви в октябре 2005 г. в гостиницах г. Утрехта не проживал, в связи с чем утверждения о получении в этом городе наркотиков от М. Митталь, их переупаковке и передаче А. Двейлис не соответствуют действительности, являются ложными.

В октябре 2005 г. А. Сирви и М. Митталь в Голландии в одно и то же время не были.

Нет доказательств проживания – значит не проживал.

Есть доказательства, что в одно и то же время в Голландии не были – значит в это время не встречались.

5. В хранилище полиции безопасности тахографы с данными о поездках в октябре 2005 г. автомобиля под управлением А. Двейлис в г. Утрехт отсутствуют, что дает основание утверждать, что таких поездок не было.

Нет доказательств поездок – значит поездок не было.

6. Согласно (CMR накладной) № 0244015, К. Шмидтас с 18 по 20 октября 2005 г. находился в Бельгии на а/машине 817/394.

7. Согласно обвинительного акта, Р. Ващенко в этой части операции не участвовал, поскольку никому нужен не был, а только получал ни за что деньги. С таким же успехом можно было обойтись без Р. Ващенко и при других операциях.

Однако, непонятно, каким образом в этом случае М. Миттал узнал место и время встречи с А. Сирви?

Согласно обвинительного акта, дополнения прокурора и приговора во второй части третьего рейса с 20 по 24 октября 2005 г.:

- из Бельгии А. Двейлис вернулся в Литву, в Паневежис, где 24 октября 2005 г. официальный груз сгрузили;

- К. Шмидтас на пустом грузовике поехал в Эстонию;

- К. Шмидтас вблизи Икла на парковочной площадке встретился с А. Калдма и А. Сирви передал им наркотики;

А. Калдма дал К. Шмидтасу 4000 евро;

- А. Калдма через Р. Ващенко известил о прибытии наркотиков А. Зейналова;

- А. Зейналов через Р. Ващенко сообщил А. Калдма время и место встречи с М. Миттал;

- А. Калдма передал наркотики А. Сирви;

- А. Сирви отвез наркотики в оговоренное время и место и передал М. Миттал;

- А. Зейналов сообщил М. Миттал место сдачи наркотиков;

- М. Миттал доставил наркотики к ресторану «Шеш-беш» и переложил в багажник припаркованной там а/машины «Мерседес-Бенц».

Изложенному противоречат следующие факты:

1. В материалах уголовного дела отсутствуют какие-либо доказательства телефонных переговоров М. Митталь, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтас со мной, М. Джамаловым и Р. Ващенко. Нет доказательств переговоров – значит переговоры не были.

2. В материалах уголовного дела отсутствуют какие-либо доказательства существования а/машины «Мерседес-Бенц», используемой мной и М. Джамаловым для перевозки наркотиков.

Нет доказательств существования автомашины – значит никакого «Мерседеса» не было.

Согласно обвинительного акта и приговора в четвертый «наркорейс» в период с 5 по 8 декабря 2005 г.:

- А. Зейналов в Таллинне передал М. Миттал 30 000 евро;
- А. Зейналов и М. Джамалов в Таллинне передали Р. Ващенко 12 000 евро, из которых тот оставил себе 2 000 евро, а 10 000 евро передал А. Калдма;
- М. Миттал выехал в Амстердам и передал деньги Небу;
- спустя несколько дней М. Миттал получил от Небу 40 кг гашиша;
- Миттал позвонил Сирви и договорился с ним о времени и месте встречи;
- М. Миттал передал А. Сирви наркотики;
- А. Сирви и А. Калдма переупаковали наркотики;
- А. Калдма передал К. Шмидтасу данные о времени и месте передачи наркотиков;
- А. Калдма передал А. Сирви данные о времени и месте встречи с А. Двейлис;
- К. Шмидтас передал А. Двейлис данные о времени и месте встречи с А. Сирви;

- А. Сирви и А. Калдма встретились с А. Двейлис и передали ему наркотики;
- А. Двейлис спрятал наркотики в тайнике прицепа № АМ-401 грузовика № ВДТ-168;
- А. Двейлис поехал во Францию, где 8 декабря 2005 г. в автомашину погрузили часть официального груза;
- затем А. Двейлис возвратился в Голландию, где 9 декабря 2005 г. в автомашину погрузили вторую часть официального груза.

Изложенному противоречат следующие факты:

1) М. Джамалову не было предъявлено обвинение в т.н. четвертом наркорейсе (см. п. 8.2 обвинительного акта), однако в п. 2.1.4. этого же обвинительного акта он значится в качестве моего соучастника по четвертому наркорейсу.

Подобная «методика» обвинения исключает возможность защиты, поскольку непонятно от чего защищаться.

2) Как отмечено выше, в обвинительном акте указано, что в декабре (точная дата в акте в нарушение закона не указана) в Голландии в тайник автомашины № 168 с прицепом № 401 под управлением Арвидаса Двейлиса якобы было загружено 40 кг. гашиша.

После этого, А. Двейлис поехал во Францию, где в грузовик 8 декабря 2005 г. была загружена часть официального груза.

Согласно обвинительного акта, затем А. Двейлис вернулся опять в Голландию, где 9 декабря 2005 г. к нему в автомашину по накладной № 20005734 загрузили вторую часть официального груза.

Между тем, из подлинника накладной № 20005734 (т.2 л.д. 171) видно, что загрузка официального груза в Голландии была произведена 3 декабря 2005 г., а не 9 декабря 2005 г., как это указано в заведомо неверном переводе накладной № 20005734 (см. т 2 л.д. 172), в обвинительном акте и приговоре.

Следовательно, если доступ к тайнику был закрыт официальным грузом уже 3 декабря 2005 г., то с 4 до 8 декабря 2005 г. поместить в него наркотики было невозможно.

Тем более, что с 5 по 7 декабря 2005 г. А. Двейлис находился в другом рейсе, в чем можно убедиться, ознакомившись с накладной № 0244020. Эта накладная обвинением отнесена к доказательствам по делу (см. п.6-13 обвинительного акта), но оставлена без внимания.

Рассуждения суда о технических ошибках несостоятельны, т.к. я верю своим глазам, а не ложным утверждениям суда.

В накладной указана дата 3 декабря 2005 г. и если бы в рассуждениях обвинения все было правильно, то незачем было исправлять эту цифру в переводе на цифру «9».

3) Согласно материалам, представленным защитой, А. Сирви находился за пределами Эстонии с 15 по 17 декабря 2005 г., в первой декаде декабря 2009 г. он в Голландии не был.

4) Согласно материалам уголовного дела, М. Митталь с 5 по 8 декабря 2009 г. в Голландии не был, а потому не мог в этот период принять наркотики и передать их А. Сирви, которого в это время тоже не было в Голландии.

Нет доказательств, что были - значит не были.

Согласно обвинительного акта, во второй части четвертого рейса в период с 9 по 13 декабря 2005 г. произошло следующее:

- 12 декабря 2005 г. А. Двейлис вернулся в Литву, где часть груза сгрузили;
- дальше на грузовике через Латвию поехал К. Шмидтас;
- 13 декабря 2005 г. К. Шмидтас в Таллинне в АО «Эстингер» выгрузил официальный груз;
- затем К. Шмидтас на парковочной площадке встретился с А. Калдма и передал тому наркотики;
- А. Калдма дал К. Шмидтас 4 000 евро;
- А. Калдма передал наркотики А. Сирви;

- А. Сирви в оговоренном месте и время передал наркотики М. Миттал;
- М. Миттал по указанию А. Зейналова отвез гашиш к парку в Виймси и положил в багажник а/машины «Мерседес-Бенц».
- спустя некоторое время А. Зейналов заплатил М. Миттал в виде вознаграждение 8000 крон.

Изложенному противоречат следующие факты:

1) По утверждению обвинения, накладная № 20005468 (т.2, л.д. 180) также была использована для осуществления т.н. «четвертого наркорейса» в декабре 2005 г.

В обвинительном акте говорится, что после того, как в автомашину № 168 с прицепом № 401 были загружены наркотики и официальный груз, А. Двейлис приехал в Литву и там передал транспортное средство Казимирасу Шмидтасу.

К. Шмидтас через Латвию прибыл в Таллинн и 13 декабря 2005 г. разгрузил официальный груз в АО «Эстингер», а затем встретился с А. Калдма и передал ему наркотики.

Однако, в накладной № 20005468 указано, что груз из Голландии в Эстонию доставил и 13.12.2005 г. разгрузил под расписку в А.О. «Эстингер» А. Двейлис, а не К. Шмидтас.

Поскольку К. Шмидтас не был в это время в Таллинне, то, естественно, и не мог передать наркотики А. Калдма.

Таким образом, утверждения обвинения в части т.н. «четвертого наркорейса» также не соответствуют действительности.

2) Обвинением и отдельными участниками процесса, утверждалось (см. протокол заседания от 7.9.2009 г.), что, якобы в 2005 г. Казимирас Шмидтас в Европу не выезжал и что, якобы, после октября 2005 г. автомашина № 394 с прицепом № 817 не использовалась.

Однако, из накладной № 0244023 и диска тахографа – 80735, признанных доказательствами и хранящимися в полиции безопасности (см. п. 13 раздела 6 обвинительного акта) видно, что 8 декабря 2005 г. на автомашине № 394 с прицепом № 817 рейс из Литвы в Бельгию совершил именно Казимирас Шмидтас, а не А. Двейлис.

Если К. Шмидтас 8-13 декабря 2005 г. был в рейсе в Бельгии, от которой недалеко до Голландии, то ему было легче самому привезти наркотики, а не сваливать вину на А. Двейлис.

Тахограф также подтверждает факт использования автомашины № 394 и в конце 2005 г. и в 2006 г.

3) Из материалов, представленных защитой, видно, что с 10 по 23 декабря 2005 г. М. Митталь находился за пределами Эстонии.

Следовательно, он не мог 13-15 декабря 2005 г. принять в г. Таллинне наркотики у А. Сирви и положить их в багажник а/машины «Мерседес-Бенц».

4) В материалах уголовного дела отсутствуют какие-либо данные о наличии у меня, М. Джамалова и наших родственников, товарищей и знакомых а/машины «Мерседес-Бенц».

5) Из материалов, представленных защитой видно, что 10-14 декабря 2005 г. А. Калдма находился за пределами Эстонии.

Следовательно, он не мог 13 декабря 2005 г. принять в Таллинне наркотики и передать их А. Сирви.

Таким образом, обвинение (обвинительный акт) вместе с дополнениями прокурора и, соответственно, приговор во всех т.н. четырех «наркорейсах» являются голословными, надуманными, основанными на заведомо ложных утверждениях, которые полностью опровергаются материалами уголовного дела и доказательствами защиты.

Если суммировать наличие доказательств обвинения, то получится цифра с двумя нулями, в которой домыслами и фантазиями пытаются подменить факты, а меня, в нарушение презумпции невиновности весь процесс вынуждают доказывать свою невиновность и опровергать абсурдные утверждения.

Анализируя доказательства, давая в совокупности оценку их относимости и допустимости, прошу учесть, что во всех т.н. четырех эпизодах отсутствуют вещественные доказательства – наркотики. Наркотиков нет и в моем случае они не могли быть, т.к. я наркобизнесом никогда не занимался.

Нет наркотиков, нет заключения экспертов о том, что М. Митталь, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтас возили наркотики, а не солому, не установлено количество перевозимой соломы, не выяснено сколько из нее по дороге использовал А. Сирви, сколько сбыл А. Калдма и т.п. т.д. (об этом в суде говорил сам А. Калдма).

И это все на фоне того, что не установлены и не подтверждены сами факты и обстоятельства наркорейсов в дни, указанные в обвинительном акте.

Согласно УПК Эстонской Республики (ст.ст. 68 ч. 5, 75 ч. 4, 288 ч. 8 и 293), показания свидетеля (подозреваемого, обвиняемого) об обстоятельствах, связанных с предметом доказывания, которые стали ему известны через других лиц, считаются доказательствами только в случае, если непосредственный источник доказательств не может быть допрошен.

В процессе судебного разбирательства А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтас дали заведомо ложные показания об обстоятельствах моего участия в наркооперациях, которые, якобы, стали им известны со слов Р. Ващенко.

Р. Ващенко был допрошен на следствии и в судебном заседании, однако показания А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтас в отношении меня не подтвердил, охарактеризовал их заведомо ложными.

Следовательно, показания А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтаса в отношении меня не могут считаться доказательствами.

Это же касается показаний М. Митталь и А. Калдма о якобы получении денег от меня через работников ресторана «Шеш-беш».

Я неоднократно ходатайствовал, чтобы непосредственные источники этих сведений (работники ресторана) были допрошены, что, однако, сделано не было, хотя все возможности для этого имелись.

Следовательно, показания М. Митталь и А. Калдма в этой части также не могут считаться доказательствами.

Нет доказательств передачи денег – значит деньги никем получены не были.

Я не оспариваю (и не имею такого желания), факты занятия М. Митталь, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтас наркобизнесом, оружейным и другими видами криминального бизнеса, устранение ими конкурентов и должников и т.п.

Тем более, что почти во всем они «чистосердечно» признались и раскаялись и даже заключили об этом письменные соглашения.

Возможно, все так, как они говорят, в целом и было, но только до того момента, где упоминаемся я, Джамалов и Ващенко.

В судебном заседании стало более чем очевидно, что А. Калдма оговаривает Р. Ващенко из-за личных счетов с его защитником и страхом перед разоблачением по делу об исчезновении (читай, убийстве) Игоря – «красные тапочки».

Все это, пока А. Калдма не был прерван судом, нашло свое отражение в протоколе судебного заседания.

М. Митталь оговаривает меня и М. Джамалова из-за своих дел с убитым К. Калевом, думая, что мы к делам этим причастны и его обманули, а, главное, боясь раскрытия убийства, которое произошло сразу после конфликта М. Митталь с К. Калевом. Убийство было совершено из автомата, а у М. Митталь автоматов было много (Это вся я говорю на основании сообщений СМИ и обвинительного акта по делу Лоди).

К стати, утверждения прокурора о том, что вопрос этот ранее не поднимался, не соответствуют действительности.

Если прокурор внимательно ознакомится с протоколом судебного заседания, то увидит, что моим защитником неоднократно задавались вопросы М. Митталь и другим обвиняемым о взаимоотношениях и личных счетах со мной, проблемах с лицами, которых называют криминальными авторитетами, наличии долгов и т.п. (см. протокол от 8.5.2009 г.).

Что касается А. Сирви и К. Шмидтас, то они оговаривают всех «по просьбе» А. Калдма и полиции безопасности, надеясь таким путем облегчить свою участь.

Из сказанного М. Митгаль, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтас в суде, видно, что слишком большое количество совершенных ими наркоопераций и «избирательность их памяти», обусловленная, с одной стороны - личными счетами, а с другой – опекой полиции безопасности и прокурора, мешают им согласовать показания и решить поставленные задачи по вразумительному оговору невиновных.

Показания «раскаявшихся» не сходятся, противоречат друг другу, фактам, здравому смыслу и логике. Они просто запутались.

Так бывает всегда, когда ложь выдается за действительность, а эмоции затуманивают сознание.

Показания М. Митгаль, А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтаса в суде обязывали прокурора полностью изменить обвинительный акт (изменились обстоятельства операций, увеличились суммы заработанных ими денег, добавились участники и т.п.), однако это ни практически ни теоретически невозможно, т.к. будет продолжаться до бесконечности. Особенно, с учетом приговора суда г. Ростка.

Показания М. Митгаль А. Калдма, А. Сирви и К. Шмидтаса, в отношении меня, Джамалова и Ващенко, данные в досудебном производстве полностью противоречат показаниям, данным в судебном заседании.

В ходе судебного разбирательства эти показания были «подкорректированы» с учетом моих ходатайств об алиби - нахождении в другом государстве.

Поэтому, в деле появилось множество неизвестных и неустановленных лиц, на которых легко ссылаться, т.к. они не могут опровергнуть заведомую ложь.

В суде М. Митгаль дал показания об участии в 2005 г. в 4-х наркорейсах, а А. Калдма – о шести, в том числе о якобы совершенном в декабре 2005 г. с моим участием.

Вряд ли М. Митталь забыл об этом эпизоде, тогда как все его поведение на суде дышит неприкрытой ненавистью ко мне. Однако этот эпизод он не назвал.

А. Сирви о декабрьском 2005 г. «эпизоде» также ничего не сказал, хотя заявил об участии в 17 наркорейсах. А. Двейлис показал о 3-х рейсах, из которых в одном рейсе сумка перевозилась в кабине.

В суде М. Митталь дал показания (см. протокол от 21.04.2009 г.), что, якобы, в октябре 2005 г., получив от меня деньги для наркотиков, сразу же вылетел в Голландию, через несколько дней получил марихуану, вызвал А. Сирви в Амстердам и передал наркотики.

Однако, согласно материалам, представленным защитой, с 15 по 19 октября 2005 г. М. Митталь находился в Италии, а А. Сирви был в г. Виенене с 14 по 15 октября 2005 г.

Следовательно, в октябре 2005 г. М. Митталь и А. Сирви не могли встретиться в Голландии.

Кроме того, погрузка официального груза в т.н. «третий наркорейс» была произведена 20 октября 2005 г., т.е. наркотики должны были быть загружены в тайник до этой даты.

Однако, с 11 до 20 октября 2005 г. а/машина №394/817 под управлением К. Шмидтаса не находилась на одном месте, поджидая М. Митталь и А. Сирви, а совершила несколько рейсов из Литвы в Бельгию (см. накладные CMR №0244010, 0244014, 0244015, 0244196).

В суде А. Сирви дал показания, что во всех четырех наркорейсах принимал наркотики в Эстонии у К. Шмидтаса. Аналогичные показания в суде дал К. Шмидтас.

Однако, из накладных CMR № 0244005 и № 20005468 видно, что в сентябре и декабре 2005 г., т.е. во второй и четвертый рейсы, официальный груз в Эстонии сдал А. Двейлис, а не К. Шмидтас.

Допрошенные в суде А. Сирви, А. Калдма и К. Шмидтас (а также сам А. Двейлис) показали, что в 2005 г. А. Двейлис в Эстонию наркотики не привозил.

Следовательно, обвинение в этой части, как и в других, не соответствует действительности.

В суде А. Калдма дал показания, что первый наркорейс был совершен после его приезда из Боливии.

А. Калдма возвратился из Боливии вечером 23 августа 2005 г., а загрузка официального груза в Бельгии была произведена 26 августа 2005 г.

Для того, чтобы доехать из аэропорта домой, попрощаться с семьей, встретиться с Сирви, переговорить с Ващенко, позвонить Шмидтасу, добраться до Голландии, устроиться в гостинице г. Утрехта, принять душ, получить наркотики, переупаковать их и обработать, встретиться с водителем и т.п., т.е. для того, чтобы уложиться в срок, А. Калдма и А. Сирви должны были использовать реактивный ковер-самолет, однако, по их словам, они выехали в Голландию на автомобиле (см. протокол судебного заседаний от 19.11.2009 г.).

Кроме того, в суде А. Сирви ничего о спешке в осуществлении второго рейса не показал. Не показал – значит никакой спешки не было.

В суде М. Митталь показал, что получив в Эстонии наркотики во второй рейс, отвез их домой и стал ждать указаний М. Джамалова.

Согласно накладной – CMR № 0244006, разгрузка официального груза во второй рейс была произведена 15 сентября 2005 г. в Вяндре.

Однако, согласно паспорта, М. Митталь с 15 по 17 сентября 2005 г. находился в России.

Не исключено, что если М. Митталь успел получить наркотики (что под большим сомнением), то отвез их своим российским друзьям.

В суде, отвечая на вопрос защитника, после длительного молчания и перемигивания с прокурором, А. Калдма заявил, что российского паспорта у него не было, а устраиваясь в гостиницах Голландии, он указывал заведомо неверные данные о проживании в гор. Москве по ул. Чайковского (см. протокол от 9.12.2009 г.).

Однако, из материалов, представленных защитой, (см.стр. 86-88) видно, что в ряде случаев в гостиницах Голландии А. Калдма устраивался по российскому

паспорту серии V № 1078574, выданному ему российскими спецслужбами и во всех случаях местом проживания указывал улицу Ленина в г. Москве (см. приложение к ходатайству от 29.12.2009 г.).

В суде М. Митталь, отвечая на вопрос прокурора, заявил, что в четвертый рейс (т.е. в декабре 2005 г.) товар 5-7 дней находился у него дома на ул. Ластекоду.

Однако, до этого он показал, что через день после получения, положил наркотики в багажник темно-синего «Мерседеса» (см. протокол от 21.4.2009 г.).

В суде А. Калдма показал, что М. Митталь никогда какого-либо страха ко мне не испытывал и не проявлял, занимался наркобизнесом, торговлей оружием и т.п. с кем хотел и когда хотел.

Однако, по показаниям М. Митталь на следствии меня представили головорезом и необоснованно арестовали.

В суде, по сценарию прокурора, с целью создания видимости объективности, М. Митталь дал показания, что, якобы, один раз я дал ему деньги под столом, находящимся справа при входе в ресторан «Шеш-беш», а в другой раз – передал через работницу ресторана (см. протокол судебного заседания от 20.04.2009 г.).

В месте, указанном М. Митталь находился и находится лишь один стол длиной около двух с половиной метров, за которым клиенты сидят друг против друга. Для того, чтобы передать деньги под столом длина моих рук должна была быть не менее длины стола – т.е. не менее двух метров.

Длина моих рук с 2005 г. не изменилась. И к чему были бы эти фокусы под столом, если после этого деньги передавались через работницу ресторана?!!

Все изложенное нетрудно было проверить, подтвердить или опровергнуть, однако прокурор сфабриковал т.н. «детали эпизода», суд незаконно принял их, а я вынужден оправдываться.

Все изложенное суд в приговоре не отразил и не оценил.

Просто умолчал, т.к. это противоречило сфабрикованному обвинению.

Все работники ресторана «Шеш-беш», работающие в нем с момента открытия, живы и здоровы.

Я неоднократно просил вызвать и допросить их в качестве моих свидетелей, представил список работников с указанием анкетных данных (см. ходатайство от 29.12.2008 г.), однако это сделано не было.

Прокурору и суду свидетели моей невиновности были не нужны, но в этом случае нет и свидетелей обвинения, на которых можно сослаться и посредством которых можно сослаться на показания М. Митталь и А. Калдма о получении от меня денег.

К. Насирову и ее представителя не допустили к процессу, а весь приговор основан на материалах конфискационного производства в отношении части ее имущества.

Прокурор при выступлении в суде использовал лежащие перед ним документы ревизии, сыпал цифрами, а я должен был по памяти производить математические расчеты пятигодичной давности, понимая, что любая ошибка будет использована против меня.

Это несправедливо, противоречит принципам состязательности и объективности.

В нарушение принципа объективности, суд отказался допросить наших родственников, подаривших мне и супруге более 300 000 долларов, а сам пытался представить в виде доказательства сумму в 300 крон, потраченную при оплате коммунальных расходов.

Отсутствие в 2005 г. у М. Джамалова зарегистрированных денежных операций суд счел доказательством его вины, а наличие денежных операций у меня – доказательством моей вины.

Суд исключил в приговоре возможность существования в Эстонии на доходы от мелкой предпринимательской деятельности и 1500 крон в месяц, указав, что полученный М. Джамаловым в 2005-2006 г.г. доход в сумме 54290 крон (2262 кроны в месяц) свидетельствует о наличии дополнительного (преступного) заработка.

Между тем, по данным Министерства социальных дел, в 2005 году в Эстонии минимальный прожиточный минимум составлял 750 крон в месяц

плюс 600 крон на каждого дополнительного члена семьи, а безработица охватывала 9,7 % от общего населения страны.

По логике суда, всех лиц, подпадающих под указанные параметры следует отнести к потенциальным преступникам.

Кроме того, противореча своим же рассуждениям о наличии у М. Джамалова преступного дохода, в приговоре суд ссылается на показания М.Митталя о том, что М. Джамалов попросил у него займы 10 000 крон.

Если М. Джамалов попросил в долг, то значит, что у него не было дополнительного преступного источника дохода, однако суд произвольно искажает полученные сведения в пользу обвинения, пытаясь подобным образом заполнить доказательственный вакуум, хотя по закону делать этого не должен.

Большая часть приговора состоит из пересказа материалов конфискационного производства, незаконного использованного судом для обоснования необъяснимых рассуждений, и положенных в основу приговора.

Используя отсутствие Насировой К.Д. и ее представителя, суд истолковал содержание материалов конфискационного производства в пользу обвинения, пытаясь многословием и имитацией рассуждений, скрыть их бессодержательность и несостоятельность.

Между тем, из этих материалов видно, что еще по состоянию на 31.12 2004 г., т.е. до знакомства с М. Митталем, у меня было имущество на 2751441 крону, расходы составили 1386417 крон, а доходы – 1386417 крон.

Это подтверждает и объяснения моих родственников о том, что в 2002-2004 г.г. они подарили нам более 300 000 долларов США. Суд отказался принять эти объяснения и допросить их авторов, однако в приговоре незаконно поставил под сомнение их достоверность, заявив, что защита не предъявила дополнительных доказательств достоверности ранее предъявленных доказательств.

Между тем, суд не разрешил защите исполнить его дополнительные требования, хотя такое могло продолжаться до бесконечности.

Суд указал в приговоре, что показаниям М. Митталь, А. Калдма и А. Сирви можно доверять, потому что они соотносятся в деталях, которые известны только им.

Между тем, никаких деталей, подтверждающих обвинение в настоящем деле нет. За более чем два года можно было бы научить считать любого, а не вынуждать озираться при каждом неудобном вопросе на суфлера, в роли которого, как справедливо отметил один из уважаемых адвокатов, выступал прокурор.

Все, так называемые, «детали» касаются событий, происшедших без участия Джамалова, Ващенко и моего. В отношении же нас никакие «детали» сообщены не были, поскольку таковых не было и быть не могло.

На суде, пытаясь поддержать лопающееся обвинение, прокурор в части второго рейса на ходу произвел расчеты, якобы подтверждающие его утверждения о нахождении в автомашине официального груза до помещения наркотиков в тайник.

Для этого, прокурор «перевел» 23346 кг. медных изделий в слиток и сопоставил получившийся объем с объемом кузова автомобиля.

По логике прокурора, если килограмм золота равен килограмму ваты, то и объемы их равны. Тем не менее, судом эти «расчеты» прокурора были взяты за основу приговора.

Однако, во второй рейс 9 сентября 2005 г. в автомашину были загружены не спрессованные слитки меди, а 23346 кг. фальцованных медных изделий, значительно больших по объему. Если их загрузили и перевозили согласно ложных показаний, то произошла бы авария.

Суд вольно или невольно обвиняет меня в осуществлении активной защиты, используя это понятие как ругательство.

Кроме прямых оскорблений, в ходе разбирательства и в приговоре суд допускает недостойные выпады в адрес азербайджанских участников процесса, пытаясь унижить их до своего уровня.

Так, в приговоре суд указал, что доказательства, представленные азербайджанским адвокатом, могут быть использованы лишь для расчетов с клиентом.

Далее, в приговоре суд указал, что ходатайство Насировой К.Д. было обусловлено лишь желанием адвоката Сулейманова Д.И. стать участником процесса.

Между тем желание адвоката никакого отношения к делу не имеет и адвокат хотел участвовать в процессе, а не в творимом беспределе, на участие в котором не претендует.

Суд пытается иронизировать по поводу многочисленности запросов азербайджанского адвоката и приложенных к ним квитанций, «забывая» указать, что получил их вместе с ходатайством о даче судебных запросов, т.к. на адвокатские запросы ответа дано не было.

В ходе судебного разбирательства суду были представлены фотографии школьного мероприятия в Азербайджане 15 сентября 2005 г., на которых запечатлен и я.

Суд отказался принять их в качестве доказательств, указав в приговоре, что школьные мероприятия не связаны с предметом доказывания по делу.

В своем постановлении от 8.04.2009 г. суд указал о незнании азербайджанским адвокатом законов, в постановлении от 9.04.2009 г. сиронизировал, что азербайджанский адвокат хотел бы сам решить вопрос об отводе, но это не позволяет закон и т.п.

Все изложенное дает основание утверждать, что приговор Харьюского уездного суда от 31.03.2010 г. в отношении меня вынесен с существенными нарушениями норм уголовно-процессуального права, одностороннего и неполного судебного следствия.

В окружном суде прошу исследовать следующие доказательства:

1. Материалы исполненного отдельного поручения, поступившие в прокуратуру Эстонской Республики из правоохранительных органов Голландии за подписью С.Н. Брейера (досье № 43522, код № АН-01), представленные прокурором суду и стороне защиты.

Эти же материалы вместе с переводом были представлены суду стороной защиты, отражены в ходатайстве, оглашены в судебном заседании, однако не учтены в качестве доказательств.

2. Приговор Ростокского суда ФРГ в отношении А. Сирви, который значится в обвинительном акте (п.9) в качестве доказательства.

3. Протокол обыска от 29.04.2008 г. и все изъятые в ходе него документы АО «Рейсита», которые значатся в обвинительном акте (п. 13) и в приговоре в качестве доказательств, в том числе хранящиеся в КАПО, в том числе СМР за №№ 0244004, 0242224, 0242227, 0242228, 0242229, 0244006, 0244005, 0244007, 0244196, 0244014, 0244015, 0244010, 76, 0244197, 4386, 0244017, 20005734, 20005735, 20005730, 20005672, 20005835, 20005468, 4816, 0244020, 024022, 0244023, 0244024 и все другие за август-декабрь 2005 г.

4. Показания Марго Митталя, Алари Сирви, Александра Калдма, Казимираса Шмидтаса, Мирзы Джамалова и Романа Ващенко и вызвать их для допроса в заседание апелляционного суда.

Все перечисленные лица за исключением Р. Ващенко содержатся под стражей. Адрес Р. Ващенко – Карусамбла тоэ 25, волость Внймси, Харьюмаа.

5. Материалы конфискационного производства в отношении меня, исследованные в Харьюском уездном суде.

6. Два паспорта М. Митталя, паспорта К. Шмидтаса, Р. Ващенко, А. Сирви, М. Джамалова и мой.

Мне и моему защитнику в ходе процесса со стороны прокурора была выдана только ксерокопия паспорта М. Митталя за № К4020741, а ксерокопия паспорта № К1122167 была сокрыта.

7. Ответы из туристических агентств, департаментов пограничной охраны, аэроагентств, и др. организацией, исследованные в судебном заседании и отраженные в протоколах и в приговоре. Копии их находятся у моего защитника, а подлинники представлены в суд.

8. Прошу исследовать в судебном заседании протоколы обысков, произведенных у меня, М. Джамалова и Р. Ващенко.

Результаты этих обысков свидетельствуют о моей непричастности к наркооперациям, однако в нарушение ст. 211 п. 2 УПК Эстонской Республики, эти доказательства моей невиновности, как и многие другие, сокрыты и к делу не приобщены.

9. С этой же целью, прошу исследовать в заседании апелляционного суда протоколы допросов А. Калдма, М. Митталь, А. Сирви и К. Шмидтаса, произведенных по настоящему делу, однако в нарушении п. 2 ст. 211 УПК к делу не приобщенные.

Эти показания имеют прямое отношение к моему обвинению, полностью опровергают это обвинение и по этой причине они из дела изъяты.

В частности, прошу исследовать протоколы допроса А. Калдма от 8.03.2007 г., 21.01.2008 г., 23.01.2008 г., 8.02.2008 г., 6.11.2008 г., 5.07.2007 г. (приобщены к делу № 08913000096), протоколы допроса А. Калдма от 3.9.2007 г. и 9.9.2008 г. (приобщены к делу № 0891300081).

Также, прошу исследовать протоколы допроса М. Митталь от 24.10.2008 г. (дело № 96) и от 15.09.2008 г. (дело № 81), протоколы допроса А. Сирви от

22.01.2008 г., 23.10.2008 г. (дело № 96), протоколы допроса К. Шмидтаса от 18.06.2008 г. и 9.09.2008 г. (дело № 81).

В указанных протоколах допросов содержится информация о действительных обстоятельствах совершенных преступлений и о действительных их участниках.

10. Прошу исследовать в заседании апелляционного суда протоколы проверки показаний М. Миталль, в ходе которой был установлен край дороги, ведущей к Миида Sadama; протокол предъявления на опознание М. Миталль, А. Калдма и А. Сирви работников ресторана «Шеш-беш»; итоговое решение в отношении Небу и Сани (Александра).

Отсутствие указанных документов будет свидетельствовать об оценке органом следствия и прокурором показаний М. Митталь, А. Калдма и А. Сирви как несоответствующих действительности.

11. Прошу исследовать в судебном заседании нотариально заверенные прилагаемые объяснения моих родственников о подарках, сделанных мне и К. Насировой.

Из этих объяснений видно, что в 2002-2004 г.г. мы получили в виде подарков более 300 тысяч долларов США и имели законный источник оплачивать все расходы.

Одновременно, прошу допросить в судебном заседании в качестве свидетелей лиц, давших объяснения, в том числе:

- Исаеву Табият – Азербайджанская Республика, г. Сумгаит, пос. Старый Джорат, дом 3;
- Зейналова Илькина – г. Сумгаит, пос. Старый Джорат, дом 6 -а-;
- Мурадова Ису – г. Сумгаит, 1 квартал, дом 100, кв. 4;
- Намазова Якуба – г. Сумгаит, пос. Старый Джорат, дом 1, кв. 28;

- Махмудову Фариду – г. Сумгаит, 18 квартал, дом 29/2, кв.28;

- Намазова Видади – г. Сумгаит, 10 мик-он, д. 27, кв. 68;

- Мурадова Вугара – г. Сумгаит, 10 микр-он, д. 25, кв. 40.

В случае положительного решения ходатайства, явка этих лиц в суд может быть обеспечена защитой.

12. Прошу допросить в судебном заседании в качестве свидетелей Амида Магеррамова (г. Таллинн, Линнамае тее 35-5) и Велиятдина Керимханова (г. Таллинн, Ланнамере 3-73) и исследовать их показания, что позволит суду определить мотивы ложных показаний М. Митталь, А. Калдма и А. Сирви в отношении меня. Эти лица беседовали с М. Митталь и осведомлены о мотивах его ложных показаний.

В случае положительного решения ходатайства, явка этих лиц в суд будет обеспечена защитой.

13. Прошу допросить в судебном заседании (об этом я ходатайствовал неоднократно) всех работников ресторана «Шеш-беш», т.к. своим постановлением от 13.04.2009 г. уездный суд отказал в этом, указав что они не вспомнят событий 2005 года.

В суде М. Митталь, А. Калдма и А. Сирви голословно заявляли, что получили от меня деньги через работников ресторана «Шеш-беш» и суд взял это за основу, но работников ресторана не допросил.

Поэтому, прошу, допросить об этих событиях всех нижеуказанных работников ресторана «Шеш-беш» работающих в нем в 2005 г.:

- Зейналова Рада – 46001250339 – г. Таллинн, Ланнамере 3-73;

- Степкина Анна – 48205190326 – г. Таллинн, Лина 7-49;

- Курминская Ирина - 48205060289 – г. Таллинн, Оисмае тее 9-75;
- Полухинна - г. Таллинн, Коорти 10-66;
- Керса – г. Таллинн Ярвеотса тее 29-10;
- Курминская Палмин – г. Таллинн, Оисмае тее 9-75;
- Зейналова Улвия – г. Таллинн Мустамае тее 181-76;
- Корен Ирина – г. Таллинн, Котка тее 7-17;
- Панченко – г. Таллинн Калевипожа 15-20;

В случае положительного решения ходатайства, явка указанных лиц в суд может быть обеспечена защитой.

В процессе судебного разбирательства мной были поданы ходатайства по обеспечению моих прав и законных интересов, соблюдению требований законодательства, по которым Харьюским уездным судом вынесены постановления, не подлежащие оспариванию в соответствии со ст. 385 УПК Эстонской Республики.

Считая, что указанными постановлениями Харьюского уездного суда были незаконно и существенно ограничены мои права и свободы, что повлияло на объективность приговора и в соответствии с ч. 2 ст. 383 УПК Эстонской Республики ходатайствую о рассмотрении моих жалоб на эти постановления в рамках настоящей апелляции.

В частности, прошу рассмотреть мои жалобы на следующие постановления Харьюского уездного суда:

- постановление от 30 декабря 2008 г. в части возврата обвинительного акта, отвода прокурору, приобщения материалов, объединения уголовных дел;
- постановление от 8 апреля 2009 г. в части возможности нарушения закона со стороны судьи и др.;

- постановление от 8 апреля 2009 г. в части отвода прокурора и оскорблений;
- постановление от 9 апреля 2009 г в части допроса А. Сирви;
- постановление от 9 апреля 2009 г. в части отвода переводчика;
- постановление от 9 апреля 2009 г. в части ст. 15 Конституции;
- постановление от 13 апреля 2009 г. в части перевода и др. вопросов;
- постановление от 13 апреля 2009 г. в части допроса работников ресторана «Шеш-беш» и др. вопросов;
- постановление от 13 апреля 2009 г. в части работников КАПО и др. вопросов;
- постановление от 20 апреля 2004 г. в части оскорблений;
- постановление от 8 мая 2009 г. в части нарушений права на защиту и др. вопросов;
- постановление от 4 июля 2009 г. в части отстранения защитника Сулейманова Д.И.;
- постановление от 4 сентября 2009 г. в части нарушения Закона «О судах» и др. видов;
- постановление от 7 сентября 2009 г. в части перевода и др. вопросов;
- постановление от 30 сентября 2009 г. в части переводчика, перевода и др. вопросов;
- постановление от 17 ноября 2009 г. в части перевода, допроса А. Сирви, представленных документов и др. вопросов;
- постановление от 19 ноября 2009 г. в части исправлений протокола судебного заседания, разрешения звукозаписи, присоединения конфискационного производства и др. вопросов;
- постановление от 18 января 2010 г. в части привлечения к процессу Насировой К.Д.;

- постановление от 20 января 2010 г. (23 пункта) об отклонении ходатайства об исследовании доказательств и др. вопросов;

Все перечисленные постановления нарушают мои права, противоречат уголовно-процессуальному законодательству и Конституции, международным договорам, участником которых является Эстонская Республика.

Изложение содержания отклоненных ходатайств, постановлений суда и жалоб на них займет несколько тысяч страниц, в связи с чем прошу рассмотреть мои жалобы в ходе апелляционного производства.

Прошу вызвать меня для участия в апелляционном производстве и допустить к рассмотрению дела в окружном суде моего защитника адвоката Сулейманова Д.И., с которым у меня заключено новое соглашение на участие в апелляционном производстве .

Свою защиту в окружном суде буду осуществлять только с участием адвоката Сулейманова Д.И., у которого находятся все материалы по моей защите.

Настоящую жалобу прошу принять на русском языке т.к. у меня в тюрьме нет возможностей для перевода. Перевод будет представлен дополнительно после его завершения.

Прошу учесть, что приговор мне был предоставлен на русском языке, а затем переведен на азербайджанский язык, т.к. я не владею русским языком в степени, достаточной для самостоятельной защиты.

Для справедливого судебного разбирательства прошу представить мне переводчика на азербайджанский язык.

Приложение: копия соглашения (ордера) с адвокатом Сулеймановым Д.И. и копии его дипломов, подтверждающих наличие у защитника требуемого образования (с переводами на эстонский язык).

Обвиняемый

Зейналов А.А.

14 апреля 2010 г.